

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15362

EDN: EQEICK

«Лакейская» Гоголя: замысел, проблематика, типы, характеры, образы

И. А. Виноградов

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: iwinigradow@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована пьеса, прошедшая в современной Гоголю критике почти незамеченной. Это восемь драматических сцен, объединенных под общим названием «Лакейская». Рассмотрен целый поток недоразумений, от важных и до курьезных, возникавших при восприятии и интерпретации «Лакейской» в последующей литературе. Впервые предложено целостное изучение авторского замысла пьесы. Драматические сцены рассмотрены как средоточие общественно-политических взглядов писателя, изучающего взаимосвязанную психологию лакейства и барства. Подытожены воззрения писателя на народную жизнь, а также прослежено влияние на Гоголя христианской агиографии. Дан обзор литературных произведений, оказавших влияние на создание «Лакейской». В статье подчеркнут устойчивый для всего гоголевского творчества характер поднятых в пьесе социальных проблем; отмечен прообразовательный, «притчеобразный» (в гоголевском понимании этого слова) замысел «Лакейской» и ее автобиографический подтекст. Особое внимание уделено религиозной проблематике пьесы и полемическому отражению в ней идей шотландского экономиста А. Смита о промышленном разделении труда. В качестве отдельного источника, послужившего материалом при создании Гоголем образов слуг, привлечена статья неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии, сохранившаяся в бумагах писателя. «Неожиданным» образом «малозаметная» «Лакейская» оказывается в самой гуще многолетних раздумий Гоголя. Главный итог гоголевского художественного анализа обобщен в выводе, что свое достоинство человек обретает в Церкви, в служении Богу, тогда как общество без Бога превращает его в «лакея».

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, А. Смит, комедия, сатира, художественная этнография, притча, реализм, социум, иерархия, разделение труда, социально-политические взгляды, западное влияние, агиография, духовное наследие

Для цитирования: Виноградов И. А. «Лакейская» Гоголя: замысел, проблематика, типы, характеры, образы // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 3. С. 89–163. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15362. EDN: EQEICK

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15362

EDN: EQEICK

“The Servants’ Room” of Gogol: Concept, Problems, Types, Characters, Images

Igor' A. Vinogradov

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: iwinigradow@mail.ru

Abstract. The article analyzes the play, which went almost unnoticed in critical thought contemporary to Gogol. It contains eight dramatic scenes united under the name of “Lackeyskaya.” A whole stream of misunderstandings, from important to curious, that arose during the perception and interpretation of “Lackey” in subsequent literature is considered. For the first time, a holistic study of the author’s idea of the play was proposed. The dramatic scenes are examined as the focus of the socio-political views of the writer, who studies the interrelated psychology of servility and lordship. The author’s views on national life are summarized along with the influence of Christian hagiography on Gogol. An overview of the literary works that influenced the creation of “Lackeyskaya” is provided. The article highlights the constant nature of the social problems raised in the play for all of Gogol’s work; the educational, “parable-like” (in Gogol’s understanding of the word) idea of “Lackeyskaya” and its autobiographical subtext are noted. Special attention is paid to the religious scope of the play and the polemical reflection in it of the ideas of the Scottish economist A. Smith on the industrial division of labor. An article by an unknown author on the position of serfs in Little Russia, preserved in the writer’s papers, was used as a separate source that served as material for Gogol’s creation of images of servants. In an “unexpected” way, the “inconspicuous” “Lackeyskaya” finds itself in the midst of Gogol’s years-long deliberations. The main result of Gogol’s artistic analysis is summarized in the conclusion that a person finds his dignity in the Church and in the service of God, whereas a society without God turns a person into a “lackey.”

Keywords: Nikolai Gogol, Alexander Pushkin, Adam Smith, comedy, satire, artistic ethnography, parable, realism, society, hierarchy, division of labor, socio-political views, Western influence, hagiography, spiritual heritage

For citation: Vinogradov I. A. “The Servants’ Room” of Gogol: Concept, Problems, Types, Characters, Images. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 3, pp. 89–163. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15362. EDN: EQEICK (In Russ.)

1. История недоразумений

В 1832–1834 гг. Гоголь напряженно писал комедию «Владимир 3-ей степени». Пьесу эту, несмотря на все усилия, он так и не закончил и в 1839–1840 гг., жалея об оставленном труде, извлек из нее несколько сцен, которые в 1842 г. напечатал в собрании сочинений. Один из этих отрывков получил название «Лакейская». Многолетний замысел нашел хотя бы частичное, но вполне определенное отражение в печати. Содержание «Владимира 3-ей степени» воплотилось также в других замыслах писателя, так что в целом труды Гоголя над ранней пьесой не пропали.

Однако прием нового произведения публикой оказался ниже всяких ожиданий. История восприятия «Лакейской» начинается с недоразумений. Приятель Гоголя славянофил Ф. В. Чижев 27 октября 1845 г. записал в дневнике, что, читая его комедийные отрывки, увидел в них «одно голое наблюдение, не озаренное светом идеи» [Виноградов. Летопись; т. 5: 193]. Другой современник, студент Московского университета Д. К. Малиновский, писал с иронией самому Гоголю: «*Лакейская... ну, это... лакей богатая пища...*»¹. В современной Гоголю критике редкие отзывы о пьесе тоже существенных наблюдений не содержали.

В то же время значительную роль содержание «Лакейской» сыграло в ангажированных, недоброжелательно настроенных к Гоголю кругах. Произведение, где были выведены лакеи, привело к обвинению самого автора в «лакействе». Еще в 1836 г., при авторском чтении «Ревизора», актеры Александринского театра, приверженцы старых литературных вкусов, шептались между собой, что «лакей» в пьесе «говорит лакейским языком, а слесарша Пошлепкина — <...> простая баба, взятая с Сенной площади»: «Чем же тут наш Сосницкий-то восхищается? Что тут хорошего находят Жуковский и Пушкин?» [Виноградов. Летопись; т. 2: 498].

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 14. С. 103. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

Противостояние Гоголя со старой литературной школой начиналось с самых первых его произведений. В 1831 г. Гоголь сообщал А. С. Пушкину, что его «Вечера...» вызвали смех даже у типографских наборщиков, и потому (добавлял, шутя, Гоголь) он заключил, что является писателем «совершенно во вкусе черни» (10: 161). Пушкин, пересказывая гоголевское письмо, с восторгом отзывался об «истинно веселой книге» — «Вечерах...» («Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков»²), а по поводу ее автора обращался к А. Ф. Воейкову, петербургскому критику:

«Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч. Пора, пора нам осмеять *les précieuses ridicules* <жеманниц (*фр.*)> нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят...»³.

Кроме критиков и актеров, почитателей старой школы, мнение о Гоголе как писателе «лакейском», «во вкусе черни», высказывали некоторые высокопоставленные представители обличаемой им чиновной среды [Виноградов. Летопись, т. 7: 378]. В этом отождествлении писателя с его героями «аристократические» критики оказывались не одиноки. Вскоре их мнением в своих интересах воспользовался представитель другой, прямо противоположной общественной партии — антигосударственной. В полемику с Гоголем вступил, намекая на «лакейское» содержание его произведений, первый биограф писателя П. А. Кулиш. Кулиш принадлежал к числу украинских сепаратистов, недолгоблизавших Гоголя за его объективный, значимый для духовного и государственного единства Северной и Южной Руси религиозно-патриотический пафос⁴. «Возражая» покойному писателю, Кулиш заявлял, будто Гоголь совсем не знал украинской действительности, а потому неправильно изобразил в своих произведениях южнорусский

² Якубович Л. Новая книга. Вечера на хуторе близь Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. С. П. Б. 1831 // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1831. 3 окт. № 79. С. 623.

³ Там же.

⁴ Подробнее см.: [Виноградов, 2003; 2024: 376].

быт и украинское «простонародье» — «которое было заслонено от его наблюдательности *дворовыми людьми*» (курсив мой. — И. В.). Это мнение Кулиш повторил в подготовленном им (по поручению матери Гоголя) собрании гоголевских сочинений дважды⁵. Спустя некоторое время Кулиш вновь заявлял, что украинские типы Гоголь создавал, «насмотревшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь»⁶. Ангажированное мнение ревнителя «украинства» относилось именно к тем повестям из украинской жизни, от которых, по словам Гоголя, «фыркали» даже наборщики (10: 161).

Суждения Кулиша — который с Гоголем лично знаком не был — встретили тогда же аргументированную критику в работах целого ряда ученых и исследователей, в том числе друзей и земляков Гоголя, М. А. Максимовича, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, Н. И. Костомарова, Н. И. Петрова, Н. П. Дашкевича, Г. В. Карпова, А. Н. Пыпина, В. Н. Перетца, И. Я. Франко и др. (см.: [Виноградов, 2009: 509–515]). В 1877 г. Н. Ю. Артинов, со слов братьев А. Ю. и П. Ю. Артиновых (хорошо знавших Гоголя со школьных лет), тоже писал, что примечателен среди воспитанников Нежинской гимназии будущий писатель был именно тем, что находился в близком знакомстве с местными крестьянами — «постоянно, бывало, ходит на Магерки»:

«Магерки — это предместье Нежина. Гоголь имел там много знакомых между крестьянами. Когда у кого из них бывала свадьба или другое что или когда просто выгадывался погодливый праздничный день, то Гоголь уж непременно был там» [Виноградов. Летопись; т. 1: 435].

«Как же неправ г. Кулиш, — добавлял Артинов, — <...> что Гоголь изучал народную жизнь в лакейской, что лакейская среда, эта безобразная помесь простонародности и цивилизованности, заслоняла пред Гоголем настоящую, неподдельную,

⁵ <Кулиш П. А.> П. К. Считаю долгом заметить... <Подстрочные примечания> // <Гоголь Н. В.> Соч. и письма Н. В. Гоголя. <3-е изд.>. Издание П. А. Кулиша: <в 6 т.>. СПб.: В тип. А. Якобсона, 1857. Т. 1. С. 326–327; То же // <Гоголь Н. В.> Соч. и письма Н. В. Гоголя. Т. 3. С. 4–5.

⁶ Кулиш П. Обзор украинской словесности. IV. Гоголь как автор повестей из украинской жизни. Статья первая // Основа. 1861. № 4. С. 81.

неподкрашенную, *щирую* Украинскую жизнь!..» [Виноградов. Летопись; т. 1: 435].

Тема «Гоголь и лакейство» со временем, при обсуждении писательского наследия, приобретала все большую остроту. С резким обвинением Гоголя в «лакействе» выступила, к примеру, в 1847 г. — разбирая «Выбранные места из переписки с друзьями» — москвичка М. В. Изъединова. Не стесняясь в выражениях, с негодованием, похожим на горячую отповедь Гоголю «чистокровного» украинца Кулиша, она писала А. О. Ишимовой (Ишимова, в свою очередь, переслала это письмо Гоголю):

«Я <...> нахожу, что он большой руки дурак (простите это грубое выражение, вспомните, что это пишет старушка неученая из-под Донского монастыря), все его прежние сочинения были грязны, сальны и наполнены ругательствами, так же и Булгарина, они годны для лакейской, да и того не позволят в благочестивом доме... <...>. Прочтите в "Московских Ведомостях" две статьи г-на Павлова, он прекрасно отделал его... <...>. У истинных писателей христианских должно выходить из пера одно превосходное, чистое, благородное» (14: 302–303)⁷.

⁷ А. О. Смирнова со своей стороны по поводу упомянутых М. В. Изъединовой статей Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах...» писала Гоголю: «Читали ли вы п...е письма Павлова в "Московских Ведомостях" против вас; в них высказалась вся лакейская натура Павлова» (14: 308). Говоря о «лакейской натуре» Павлова, Смирнова, возможно, подразумевала его повесть «Именины» (1835). Об этой повести А. С. Пушкин в год ее выхода отзывался так: «*Идеализированное лакейство* имеет в себе что-то неестественное, неприятное для здорового вкуса» (Пушкин А. С. <«Три повести» Н. Павлова> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. (20 кн.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 9). Павлов, будучи внебрачным сыном помещика, изобразил в «Именинах» судьбу крепостного музыканта, по несчастью влюбившегося в знатную девушку — дослужившегося впоследствии до офицерского чина и убившего на дуэли мужа своей избранницы. «В *Именинах*, — продолжал Пушкин, — несмотря на то, что выслужившийся офицер видимо герой <...>, автор дал ему черты, обнаруживающие холопа: <...Я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадется">» (Там же. С. 9). Гоголь 8/20 июня 1847 г. отвечал Смирновой: «...не огорчайтесь всякими печатными статьями вроде Павлова, в которых, как вы пишете, слышна лакейская натура. Какова бы ни была натура того, который пишет (это его дело, и за это он даст ответ, а не я), но тем не менее мне нужно после всякой такой статьи осмотреться получше на самого себя...» (14: 316).

Приятель В. А. Жуковского сенатор А. Я. Булгаков вскоре после смерти Гоголя записал в дневнике, что он, хотя и не одобряет обличительный пафос «Ревизора», однако не берет и сторону тех, «кои сочинения и слог» писателя «называют лакейскими» [Виноградов. Летопись; т. 7: 378]. И. С. Тургенев утверждал, что «писателем лакейским» называл тогда Гоголя «публично» попечитель Санкт-Петербургского университета граф М. Н. Мусин-Пушкин [Виноградов. Летопись; т. 7: 378]. Неизвестно, насколько свидетельство Тургенева достоверно — тот порой пускал в ход клевету⁸. Против Мусина-Пушкина он был крайне раздражен за то, что тот как председатель цензурного комитета запретил тогда малозначительный, написанный с желанием заявить о себе некролог Тургенева о Гоголе. Но если свидетельство Тургенева заслуживает какого-то доверия, то картина вновь приобретает вид весьма последовательной — и пагубной в своих противоречиях — закономерности. Как это ни парадоксально, но такой же «классовый» взгляд на Гоголя (как тот, который продемонстрировали представители петербургской «аристократии») позднее нашел себе новых последователей и сторонников — и в этот раз тоже носителей прямо противоположных, антигосударственных убеждений. Ультраконсервативный взгляд на гоголевское наследие Мусина-Пушкина продолжили, после радикального оппозиционера Кулиша, похожие новейшие делители общества на «классы» — в лице идеологов, ревновавших о «чистоте» вульгарной социологии советской эпохи. Один подход, «аристократический», расчленявший тело общества сословными перегородками — сеющий этим вражду и междоусобия, легко сменялся другим, основанным на таких же принципах. В делении русского мира на части сепаратист Кулиш

⁸ Так, в том же 1852 г. И. С. Тургенев оклеветал А. О. Смирнову [Виноградов. Летопись; т. 7: 96, 388, 391]; в 1846 г. — К. С. Аксакова (последняя клевета была признана им самим (см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987. Т. 3. С. 184; Тургенев И. С. <Семейство Аксаковых и славянофилы>. (Публикация Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева) // Русская литература. 1995. № 4. С. 150). В 1869 г. Тургенев крайне негативно и предвзято изобразил Гоголя во время встречи с ним — единственный раз — в 1851 г. [Виноградов. Летопись; т. 7: 172, 174].

применял местечковый подход — в работах исследователей советского времени в основу дробления закладывались «классовые» марксистские принципы. Эти принципы были в полной мере применены к Гоголю в известной книге советского литературоведа В. Ф. Переверзева «Творчество Гоголя» (1914; 4-е изд. — 1928)⁹. Поводом для обвинений опять становилась при этом «Лакейская». Рассматривая гоголевскую пьесу в ряду других драматических отрывков «Владимира 3-ей степени» («... "Утро делового человека", <...> "Лакейская", <...> "Тяжба"...» [Переверзев: 60]), Переверзев заявлял, что писатель «пытался» рисовать «крупноместную и великосветскую среду», но поскольку был художником «мелкопоместного круга», то у него из этого «не получилось ничего» [Переверзев: 60–61; курсив мой. — И. В.]. Гоголь, по мнению Переверзева, в силу своего «мелкопоместного», «невысокого» происхождения — и следующей отсюда ограниченности взгляда — «был лишь случайным и поверхностным наблюдателем жизни поместных верхов» [Переверзев: 62].

(Вне поля зрения Переверзева, в силу общей неизученности в то время гоголевских биографии и творчества, осталось то немаловажное обстоятельство, что семья Гоголей среди других малороссийских дворянских семей, «рядовой» и «заурядной» не была. Гоголи принадлежали к старой казацкой верхушке; писатель был потомком малороссийской старшины. В роду Гоголя были, со стороны отца, три известных гетмана — Петр Дорошенко, Евстафий Гоголь, Иван Скоропадский (и столько же полковников — должность в казацком войске тоже немаловажная) [Виноградов. Летопись; т. 1: 13–14]. По линии матери предками были городовые атаманы, сотники, полковые есаулы, заместители полковников [Иртенина, 2024а, б; 2025]. Хотя сам Гоголь большого значения своей родословной никогда не придавал, однако своим происхождением — далеко не «лакейским» — мог не смущаться.)

⁹ Сам будучи «непролетарского» происхождения, В. Ф. Переверзев впоследствии был на восемнадцать лет, с 1938 по 1956 г., подвергнут политическим репрессиям.

На Переверзеве недоразумения по поводу «Лакейской» — как недоброжелательные, так и в равной мере некомпетентные — однако, себя не исчерпали. В 1940 г. еще один авторитетный исследователь советской эпохи, В. В. Гиппиус, в обобщающей статье, посвященной гоголевской драматургии, заявлял, будто «мир слуг <...> как самоценный» ранее, до гоголевской «Лакейской», «не входил в литературу» — и даже в самом гоголевском творчестве «не получил развития»¹⁰.

Ничего оригинального и сколько-нибудь научного — содержащего итог внимательного изучения материала — суждение Гиппиуса тоже собой не представляло. Гиппиус лишь повторил то, что до него в начале XX в. было высказано, без всяких доказательств, Н. А. Котляревским и Э. П. фон Бергом. Н. А. Котляревский утверждал, что «Лакейская» (эта «совсем самостоятельная картинка нравов») является уникальной — «единственной в своем роде, не только в те годы, но, пожалуй, и в наши» [Котляревский: 264] (см. также: [Берг: 367]).

Компетентность Котляревского, Берга, Гиппиуса в изучении гоголевской драматургии оказывается недостаточной. Еще в 1829 г. литератор И. В. Киреевский (в то время убежденный «европеец», западник) указывал, что «простонародная», *в том числе лакейская* тема давно уже избита, но при этом продолжает заполнять репертуар русских театров. Киреевский имел в виду прежде всего «народные» и псевдонародные «площадные» комедии. О некоторых из этих пьес, героями которых являются дворовые и лакеи, — «Филатка на игрище» (1812), «Филатка с Федорой на качелях под Новинском» (1815), «Филатка с детьми на деревенском празднике» (1831); «Филатка и Миروشка — соперники, или Четыре жениха и одна невеста» (1831), «Митавская ярмарка, или Филатка в маскараде» (1831) [Гозенпуд: 314, 316, 620], — прямо упоминает у Гоголя герой «Записок сумасшедшего»:

¹⁰ Гиппиус писал: «Отрывки "Владимира 3-й степени" даже в их первоначальном виде обнаруживают значительную самостоятельность Гоголя как драматурга; он не повторяет ни сюжетных штампов, ни традиционного комедийного типажа... <...>. Наиболее самостоятельными и многообещающими были сцены "Лакейская", разговор Лаврентия с Аннушкой. Сочувственный <?> юмор, которым здесь приоткрыт мир слуг (который до тех пор как самоценный не входил в литературу), не получил развития и в гоголевском творчестве...» [Гиппиус: 136].

«Был в театре. Играли русского дурака Филатку¹¹. Очень смеялся» (3/4: 162).

Оценивая современную комедию, Киреевский писал:

«...почти весь репертуар наших комедий состоит из подражаний Французам, и несмотря на то, именно те качества, которые отличают комедию Французскую от всех других: вкус, приличность, остроумие, чистота языка, и все, что принадлежит к потребностям хорошего общества, — все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вместо того, чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее которых не проникает наша комическая Муза. В лакейской она *дома*, там ее и гостиная, и кабинет, и зала, и уборная; <...> чтобы Русскую Талию изобразить похоже, надобно представить ее в ливрее и в сапогах. Таков общий характер наших оригинальных комедий <...>. ...можно бы заметить нашим комическим писателям, что они поступают нерасчетливо, избирая *такое* направление. За простым народом им не угнаться, и как ни низок язык их, как ни богаты неприличностями их удалые шутки, как ни грубы их фарсы, которым хохочет раёк; но они никогда не достигнут до своего настоящего идеала, и все комедии их — любой извощик убьет одним словом»¹².

Кроме «Филаток и Мирошек», на российской сцене в 1814 г. была поставлена переводная пьеса французского драматурга Ж. Б. Дюбуа «Мартон и Фронтен, или Состязание слуг» (1804) (с названием — «Марфа и Угар, или Лакейская война»¹³). В переводе герой-плут Фронтен, «молодой человек из лучшей лакейской фамилии», «честь» которого — «плутовство, воровство и пьянство», был превращен в хитрого украинца Угара;

¹¹ «Филатка м. дурачек...» (<Даль В. И.> Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора: <в 4 т.> СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 550). С конца XVIII — начала XIX в. «урод Филатка» был также предметом осмеяния на лубочных картинках [Гозенпуд: 126].

¹² Киреевский И. В. Обзорение Русской Словесности за 1829 год / Денница, альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. М.: В Университетской тип., 1830. С. LXIII–LXIV.

¹³ <Дюбуа Ж. Б.> Марфа и Угар, или Лакейская война, Комедия в одном действии. Переделанная с Французского из сочинений Дюбуа А.<А.> К<орсаковым>. СПб.: В тип. Императорского Театра, 1816. 72 с.

герои не уступают друг другу «ни в ловкости, ни в пронырстве, ни даже в самом бездельстве»¹⁴. В библиотеке Д. П. Трошинского, соседа и дальнего родственника Гоголей (книгами из этой библиотеки Гоголь пользовался в 1820-х гг. до своего приезда в Петербург), имелось еще одно переводное издание соответствующего содержания, комедия «Девка слугою» (1787)¹⁵. Здесь же находился перевод комедии П. Бомарше «Женитьба Фигаро» («Свадьба Фигаро») 1787 г.¹⁶, — с главным героем «графским камердинером и домоправителем». Реминисценции этого перевода пьесы Бомарше не только угадываются в «Лакейской», но и слышны в других гоголевских пьесах — «Владимире 3-ей степени» и «Женитьбе» [Виноградов, 2024: 500, 846].

В 1908 г. Г. И. Чудаков отметил сходство изображения в «Лакейской» слуг, препирающихся, кому открывать дверь, с аналогичной сценой в первом действии пьесы Ж. Б. Мольера «Школа жен» (1662) [Чудаков: 112]. (Несколько лет спустя после создания «Лакейской» постановка «Школы жен» одесскими актерами побудила Гоголя предложить им для представления и свою пьесу [Виноградов. Летопись; т. 7: 8–11, 31–32].) Кроме того, отмечено¹⁷, что «Лакейской» предшествовали комедия Екатерины II «Передняя знатного боярина» (1772)¹⁸ (издание тоже

¹⁴ <Дюбуа Ж. Б.> Марфа и Угар, или Лакейская война, Комедия в одном действии. С. 13, 20–21, 29.

¹⁵ Девка слугою, Комедия в одном действии. Переведена с Немецкого Ф<е>д<о>р<о>м Г<е>нш<е>м. М.: В Университетской тип. Н. Новикова, 1787. 72 с.; <Федоров Е. Я.> Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трошинского. Киев: В тип. Е. Я. Федорова, 1874. С. 217.

¹⁶ <Бомарше П.> Фигарова женидьба <так!>, комедия в пяти действиях, сочинения Петра Августина Карона де Бомарше. Переведенная на российской язык А. Лабзинным>. М.: В Университетской тип. Н. Новикова, 1787. 247 с.; <Федоров Е. Я.> Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова. С. 209.

¹⁷ См., напр: [Виницкий, Виноградская, Врубель и др.: 811–813].

¹⁸ <Екатерина II, императрица>. Передняя знатного боярина. Комедия в одном действии. Сочинена в Городе Ярославле. В первой раз представлена была на придворном театре Сентября 18 дня 1772 года // Российский Феатр, или Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1786. Ч. XI. С. 221–262.

имелось в библиотеке Трощинского¹⁹) и пьеса Н. А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина» (1830)²⁰.

2. Слуги и просители

Не отвечающим фактам является и заявление В. В. Гиппиуса, что «мир слуг» в творчестве создателя «Лакейской» «не получил развития» [Гиппиус: 136]. Этот «самостоятельный» вывод ученого тоже вполне ошибочен. Проблематика «Лакейской» охватывает едва ли не все творчество Гоголя; число слуг и просителей в разного рода «лакейских», изображенных в других его произведениях, поражает.

Затронем наиболее яркие. В письме к М. А. Максимовичу 1834 г. Гоголь упоминал об участии «несчастливого просителя, привыкшего чрез длинные передние и лакейские пробираться к месту» (10: 274; курсив мой. — И. В.). Эти строки непосредственно перекликаются с позднейшим гоголевским изображением одного из таких «несчастливых просителей» — отставного капитана Копейкина в десятой главе «Мертвых душ». В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина» (1841–1842) с «Повестью о капитане Копейкине» соотносится содержание выписки из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа» (1794)²¹:

«А ты, второй Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор? <...>

¹⁹ <Федоров Е. Я.> Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова. С. 223.

²⁰ <Полевой Н. А.> Утро в кабинете знатного барина // Московский Телеграф. 1830. Ч. 33. № 10. Май. <Приложение>. Новый Живописец Общества и Литтературы. 1830. № 10. Май. С. 159–180.

²¹ С произведениями Державина Гоголь был знаком еще в Нежине. По свидетельству П. В. Анненкова, в 1830-х гг. в Петербурге Гоголь «заставлял других читать и сам зачитывался» Державиным [Виноградов. Летопись; т. 2: 347].

А там израненный Герой,
Как лунь во бранях поседевший, <...>
В переднюю к тебе пришедший <...>
Меж челядью твоей златою <...>
Сидит и ждет тебя уж час...»²²

(см. также: 17: 564–565; курсив мой. — И. В.).

В «Мертвых душах», в повести о Копейкине, эта сцена в главных чертах повторяется:

«...драгоценные мраморы на стенах, металлические галантереи <...> лаки на всем такие — <...> ума помрачение. Один швейцар уже смотрит генералиссимусом: вызолоченная булава, графская физиогномия, как откормленный жирный мопс какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство!.. Копейкин мой всталился кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе, чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку или Индию — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую» (5: 194).

(В упомянутой комедии Екатерины II «Передняя знатного боярина» «фарфоровую куклу» среди «фарфоровых ваз и статуй» разбивает одна из просительниц²³.)

Далее в «Повести о капитане Копейкине» изображается накаленная атмосфера приемной вельможи «на Дворцовой набережной» (5: 497):

«Все, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждет решения, в некотором роде, судьбы» (5: 195); и последующее отношение к просителю лакея-«генералиссимуса»: «...Швейцар на него просто и смотреть не хочет» (5: 196).

Строки державинского стихотворения, в свою очередь, близки к той же комедии «Передняя знатного боярина», где изображаются многочисленные просители, осаждающие, как «саранча», с утра приемную сановника Хризанфа (Хрисанфа) — в то время, когда тот еще спит²⁴. Имя Хрисанфий носит один

²² <Державин Г. Р.> Сочинения Державина. СПб.: В тип. Шнора, 1808. Ч. 1. С. 212–213.

²³ <Екатерина II, императрица>. Передняя знатного боярина. С. 223, 240.

²⁴ Там же. С. 223–225, 242–243.

из героев гоголевской незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени» и «Тяжбы»²⁵ (выше уже указывалось, что, как и «Лакейская», сцены «Тяжба» были извлечены из «Владимира 3-ей степени...»). За слугой и гостями в пьесе Екатерины II присматривает дворецкий²⁶ (дворецкий Лаврентий Павлович выведен в гоголевской «Лакейской»). Кроме того, в пьесе представлена героиня, похожая на «неидеальную» просительницу «унтер-офицершу» в «Ревизоре»²⁷. В заключении комедии говорится:

«...между вышедшими теперь отсюда бывают и такие, кои не с пустяками, но от крайней приходят сюда нужды. Кто просит справедливого, я рад тому обои двери отворить. Помогать достойным людям есть каждого гражданина долг»²⁸.

К истории «Владимира 3-ей степени» (откуда, как отмечалось, Гоголь извлек «Лакейскую») имеет отношение и первая публикация в 1833 г. в Москве, с цензурными сокращениями, комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». С содержанием «Лакейской» непосредственно перекликается проблема, поставленная Грибоедовым: «Служить бы рад, прислуживаться тошно»²⁹ (см.: [Миллер: 663–664], [Гиппиус: 136]).

Влияние в произведениях Гоголя пьес и сочинений Екатерины II, Державина, Грибоедова, Полевого и др. переплетается. В целом отрицательные персонажи комедии императрицы «Передняя знатного боярина» напоминают не только «унтер-офицершу», но и других «пошлых» просителей мнимого «значительного лица» Хлестакова в «Ревизоре». Разница заключается в том, что Хлестаков, с слугой-«секретарем» Осипом, еще

²⁵ Перекличка между именами отмечена: [Виницкий, Виноградская, Врубель и др.: 812].

²⁶ <Екатерина II, императрица>. Передняя знатного боярина. С. 227, 241, 249.

²⁷ Там же. С. 250.

²⁸ Там же. С. 261–262.

²⁹ <Грибоедов А. С.> Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. М.: В тип. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1833. С. 45.

и берет с просителей взятки — так, как это делает «знатный барин» в пьесе Полевого³⁰.

(Соответственно сниженным обликам просителей у Екатерины II «пошло»-«неидеальна», в числе других, «бескорыстная» реплика одного из гоголевских типажей, обращенная к Хлестакову:

«...скажите <...> там <...> Государю, что вот, мол, <...> в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский» (3/4: 273).

«Религиозная» в своей основе — подразумевающая «помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое!» (Лк. 23: 42) (см.: <Размышления о Божественной Литургии>: 6; 361), — эта фраза означает в то же время предел «духовности» Бобчинского и напоминает столь же комичный образ в повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька...» «тщеславной» собаки, красующейся пред другими и лающей, «как бы приговаривая: "Посмотрите, люди крещенные, какой я прекрасный молодой человек!"»; 1/2: 256.)

Перечисленные реминисценции обнаруживают тесную связь «Лакейской» с двумя главными произведениями Гоголя — «Ревизором» и «Мертвыми душами». «Лакейскую» и «Ревизора» объединяет то, что нерадивые, праздные чиновники уездного города ведут себя пред столичным «проверяющим» вполне по-лакейски — так же, как чиновники у Грибоедова, они не служат, а выслуживаются — ведут с властью лукавую «игру» — этот мотив является структурообразующим для всех произведений гоголевского цикла «Комедии» (см.: [Виноградов, 2025a]). Цель у чиновников и лакеев общая — обмануть властное лицо, барина-«медведя». В этом смысле «Лакейская» представляет прямой автокомментарий Гоголя к «Ревизору».

³⁰ В переводной пьесе «Марфа и Угар, или Лакейская война» взятки друг с друга берут за покровительство и лакейскую «науку», за «хитрости <...> ремесла» сами лакеи (<Дюбуа Ж. Б.> Марфа и Угар, или Лакейская война. С. 60–64).

3. Сквозная проблематика

Отмеченные переключки между «Лакейской» и «Ревизором», «Лакейской» и «Мертвыми душами» уже служат серьезной поправкой к заявлению В. В. Гиппиуса, будто «мир слуг» «не получил развития <...> в гоголевском творчестве» [Гиппиус: 136]. Образам слуг и лакеев в гоголевских произведениях буквально «несть числа». Продолжим обзор гоголевских «лакейских».

1. На первых же страницах «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в «Предисловии» к первой книжке сборника, рассказчик высказывает опасение оказаться «в покоях великого пана» — где «все обступят тебя и пойдут дурачить»:

«Еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет...» (1/2: 82).

2. В «Иване Федоровиче Шпоньке...» тема «лакейской» затрагивается, во-первых, в выразительных репликах, характеризующих отношение барина к слуге:

«А что это? — проговорил он кротким голосом вошедшему своему лакею, мальчику в козацкой свитке с заплатанными локтями...» (1/2: 254); «Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: "Иван Федорович, возьмите стегнушко!"»

— Иван Федорович, возьмите стегнушко! — проревел, став на колени, официант с блюдом» (1/2: 262).

Во-вторых, в этой повести помещен обстоятельный рассказ, как реальному «лакейству» учат недалекие школьные учителя (тогда как целью их должно быть воспитание послушания). Историю такой выучки героя ранней повести Гоголь впоследствии «повторил» в описании детства Чичикова в «Мертвых душах». Отец мальчика, оставляя того в училище, поучает:

«...больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, все пойдешь в ход и всех опередишь»; 5: 217–218).

3. В «Главе из исторического романа» лакейство изображено как среда агрессивная. Оно предстает в виде вооруженных холопов богатого пана, обирающих «бедных жителей» окрестных хуторов:

«Побить бы их всех, <...> так нельзя, потому что дворни <...> было, может, с полторы сотни, да и на каждого бердыши, самопалы и вся сбруя ратная» (7: 80).

Это воинственную черту «лакейства» Гоголь изобразил затем в описании лакейского окружения польских панов в «Тарасе Бульбе» (см. ниже), а также в набросках незавершенной драмы из английской истории <Альфред>:

«А французский король набирал себе дружину из людей самых сильных, чтобы охраняли его в случае сражения или когда выедет куда, то и они бы выезжали, чтобы если посмотреть, так хороший вид был» (7: 359).

4. В «Тарасе Бульбе» проблема вооруженного польского «лакейства» поднимается многократно и сопровождается противоположной — позитивной — характеристикой казацкого войска. О польской стороне говорится:

«Он хотел было узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами <...>, дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом» (1/2: 316);

«...собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице <...>, дворня у воеводы была многочисленна» (1/2: 316–317);

«Они вступили в первую комнату, довольно просторную, служившую приемною или просто переднею; она была наполнена вся сидевшими в разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, виночерпиями и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи» (1/2: 352).

Бездельному польскому лакейству полемически противопоставляется в повести образ умелого, расторопного казачества, способного, кроме ратного дела, выполнять разнообразные ремесленные работы (1/2: 308) (эта же черта подчеркивается в предшествующих созданию второй редакции «Тараса Бульбы» <Заметках при чтении «Описания Украины»

Г. де Боплана (СПб., 1832)>; 7: 536). С этими описаниями прямо связан и образ умелого и талантливого художника-мастерового — и искусного певчего, который был создан Гоголем ранее, — кузнеца Вакулы в «Ночи перед Рождеством».

Мысль о том, что западноевропейское разделение труда, годное в лакейском деле, приводит человека к утрате дарованных способностей, отчетливо звучит и в сохранившейся первой главе второго тома «Мертвых душ». Эти строки прямо перекликаются с характеристикой многогранных способностей казачества и кузнеца Вакулы в малороссийских гоголевских повестях:

«И почувствовал, что это разнообразие работ мужика, который сам своим трудом может и накормить, и одеть, и обстроить, земледелец, ткач, сукновал, и молотит, — одним уже разнообразием этих работ, что был умнее...» (не дописано)³¹ (см. подробнее: [Виноградов, 2024: 530–534]).

Согласно наблюдениям Гоголя, духовное и интеллектуальное обнищание человека происходит при всепроникающем западном влиянии и в других общественных сферах. Так, подобно промышленной системе разделения труда, сходная чиновная бюрократия, мертвящее европейское производство бумаг, превращает героя «Шинели» — человека далеко не бесталанного, с задатками гениального художника [Виноградов, 2001] — в ничтожного переписчика.

В сохранившейся в бумагах Гоголя <Статье неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии> тоже говорится о том, как для крестьянина или казака важно владеть не только земледельческими навыками, но еще и ремеслами (8: 574–575)³².

В этой связи следует упомянуть и о необычайной универсальности способностей и дарований самого Гоголя, делавшего для себя в начале жизненного поприща выбор между по крайней мере *пятнадцатью* многочисленными профессиями

³¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Л.: АН СССР, 1951. Т. 7 / тексты и коммент. подгот. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович. С. 291.

³² Об этой статье см. подробнее в заключительном, 11-м разделе наст. статьи.

и ремеслами. В его личном воображаемом «резюме» были: юрист, портной (так!), художник, повар (!), поэт, историк-этнограф, географ-путешественник, помещик (садовод и земледел), актер, чиновник (государственный деятель), журналист, педагог, писатель; возможно, священник; возможно, воин-офицер (см. подробнее: [Виноградов, 2023]). Гоголь считал себя специалистом даже в поваренном искусстве и в 1836 г. написал критическую рецензию на одну из кулинарных книг:

«Если воспользоваться всеми этими рецептами, наставлениями, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь» (<Полная ручная кухмистерская книга...>; 7: 499).

В 1828 г. Гоголь писал дяде Петру П. Косяровскому, что он «знает» несколько ремесел: является «хорошим портным», владеет «алфрескою живописью», «много <...> разумеет из поваренного искусства» (10: 92). (Послушание в «поварне» — одно из самых обычных в житиях святых³³.) В 1830 г. образ кухмистра Онисько появился в незавершенной повести Гоголя «Страшный кабан» (7: 56–62). Образ казацкого «кашевара» Демьяна Гоголь предполагал вывести в 1839 г. в незавершенной <Драме из эпохи Богдана Хмельницкого> (7: 540). Учитывая все это, можно сказать, что Гоголь в своем обиходе мог вполне обходиться без слуг, что часто и бывало в продолжительные периоды его жизни за границей и в России³⁴.

³³ См.: <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Киев: Киево-печерская Лавра, 1764. <Т. 1>. На три месяца перввыя, еже есть: Септїмврїй, Октоврїй и Ноемврїй. Л. 69 об., 111 об., 144 об., 220–221; <Т. 4>. На три месяца четвертыя, еже есть: Іунїй, Іулїй и Август. Л. 402 об. — 403.

³⁴ Так, мальчика-слугу С. Григорьева Гоголь впервые привез из деревни в Москву лишь за несколько месяцев до смерти, в июне 1851 г., — тогда как ранее, после возвращения из-за границы в 1848 г. (где жил без слуги), приезжал в Москву без прислуги [Виноградов. Летопись; т. 6: 141; 7: 75–77]. Вероятно, в этом Гоголь опять-таки следовал примерам святых: «К смиреннейшему <...> себе хотя управити житию, отпусти множество рабов на свободу, единого токмо на послужение свое оставил: кая бо бяше ему толико рабов нужда, иже сам во истинного и искреннего раба Господу дадеся» (житие преподобного Сампсона Странноприимца; <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 4. Л. 196 об.). В жизнеописании святителя Тарасия, патриарха Константинопольского (именем которого Гоголь назвал в 1834 г. главного героя повести «Тарас Бульба»), тоже говорится: «...не виде его от служащих ему кто, <...> ни попусти, да кто иззует сапоги от ног его, имея в памяти словеса Христова: не приидох, да послужат

5. О лакействе не раз упоминается в «Старосветских помещиках». Здесь говорится о «паркетe в богатом доме, лениво подметаемом невыспавшимся господином в ливрее» (1/2: 284); о кражах, постоянно совершаемых «кучерами и лакеями» (1/2: 287); о девичьей, «набитой молодыми и немолодыми девушками <...>, которые большею частию бегали на кухню и спали» (1/2: 285). (Характеризуя дворовых девушек, рассказчик добавляет:

«...не проходило нескольких месяцев, чтобы у которой-нибудь из ее девушек стан не делался гораздо полнее обыкновенного...» (1/2: 285).

Гоголь в письме от 2 октября 1833 г. предупреждал мать о воспитании сестер:

«...не воспитывайте таким образом Олю, как воспиталась Лиза. Отдалите от нее девичью, чтобы она никогда туда не заходила»; 10: 225.)

6. В «Вии» «лакейская» предстает в качестве «дворни», которая «имела обыкновение забираться в сено под сараями и, открывши рот, испускать такой храп и свист, что панское подворье делалось похожим на фабрику» (1/2: 445).

7. В «Записках сумасшедшего» выведен образ тщеславного чиновника, очинивающего «перья для его превосходительства» (3/4: 158) — то есть выполняющего не должностные, а лакейские обязанности, и при этом заявляющего:

«Я терпеть не могу лакейского круга: всегда развалится в передней, и хоть бы головою потрудился кивнуть» (3/4: 161).

8. Негативный образ «француза»-дворецкого (3/4: 148), а также шести праздных кучеров провинциального барина-«аристократа» предстает в повести «Коляска»:

«Уже толстый дворецкий француз объелся, как порядочная бочка, и шел, покачиваясь, через двор с ключами приказать крепостным свиньям подавать барам обедать. А до слуха

ми (Матф. 20, стих 28), но сам себе слуга бьяше, иным подая смирения образ» (Там же. Т. 2. Л. 550).

хозяйки доходило храпенье послеобеденное 6 кучеров и одного форе<й>тора»³⁵.

9. «Полноценная» барская лакейская изображена в отрывке «Рим»:

«При князе были егери, официанты, лакеи, которые ездили у него за коляской, лакеи, которые никуда не ездили и просиживали по целым дням в ближнем кафе или остерии, болтая всякий вздор. Он распустил тот же час всю эту сволочь...» (3/4: 190).

10. Мотив «Лакейской» неоднократно встречается в «Игроках», герой которых, будучи обладателем 180 душ крестьян, *более четверти* из них сделал своими слугами: «У нас одной дворни человек 50»³⁶.

11. В статье «О сословиях в государстве» обличение безответственного барства Гоголь продолжил в связи с общим, государственным вопросом о происхождении подчиненного сословия как такового:

«В награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему (дворянину. — И. В.) в управление крестьяне, даются ему, как просвещеннейшему, как ставшему выше пред другими, — в предположении, что такой человек, кто лучше других понял высокие чувства и назначение, может лучше править, чем какой-нибудь простой чиновник, выбираемый в заседатели, или капитан-исправники. Вольно было помещикам, позабывши эту высокую обязанность, глядеть на крестьян, как на предмет только дохода для своей роскоши и увеселений. Этим они <...> уронили званье помещика» (6: 319).

(Эти строки перекликаются с давними размышлениями Гоголя о самом формировании государственности, когда представители власти — князья, гетманы, полковники и др., — взимают с оберегаемых и опекаемых определенные подати в пользу ратного сословия, не занятого земледельческим трудом; см. об этом подробнее: [Виноградов, 2025c].)

³⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3 / тексты и коммент. подгот. И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, Б. М. Энгельгардт. С. 472.

³⁶ Там же. Т. 5 / тексты и коммент. подгот. М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский. С. 341.

12. О лакействе много говорится, опять-таки, в «Мертвых душах». Здесь подчеркивается «нечистоплотность» слуг, их лень, пьянство (5: 26). Сообщается о разъездах дам в колясках таким образом, «как предписывала последняя мода»: «...сзади покачивался лакей, и ливрея в золотых позументах» (5: 153); рассказывается, как встревоженные чиновники стараются «посредством разных лакейских знакомств» добыть побольше сведений о Чичикове (5: 189–190). Сюда же относятся образы приказчика «барыниной фаворитки» Агафьи-ключницы в поместье Манилова и др.

Дальнейшее развитие тема «Лакейской» получает во втором томе поэмы. Здесь Чичиков сравнивает себя — облик «просвещенного гражданина» — с «грубой лакейской физиогномией» (5: 407). О Костанжогло говорится, что тот «не любил, чтобы лакеи слушали господские <разговоры>, а еще более чтобы глядели ему в рот в то время, когда он <ест>» (5: 431). Особенно подробно лакейская тема обсуждается в главе, посвященной помещику Платонову. Здесь описывается, как расторопная дворня, будучи не слугами, а садовниками, иногда по потребности «исправляют» должность слуг (отчего остаются, в отличие от неопрятных лакеев, всегда трудолюбивыми и чистоплотными); в итоге делается вывод, что заводить «особого сословья» служащих не следует (5: 330–331).

Не обходится без лакеев и лакейских и в других гоголевских произведениях. В «Ночи перед Рождеством» упоминается придворный «лакей с галунами» (1/2: 200), а также более «высокое» аристократическое «лакейство»: «Государыня засмеялась. Придворные засмеялись тоже» (1/2: 202). «Лакей в богатой ливрее» предстает в «Невском проспекте» (3/4: 18–19). С особой иронией лакейство и лакеи изображаются в «Носе». Герой силится вспомнить, был ли на запятках кареты исчезнувшего носа «какой-нибудь лакей и в какой ливрее» (3/4: 47); наблюдает, «взошедши в переднюю», как его лакей, лежа «на кожаном запачканном диване», плюет в потолок и попадает «довольно удачно в одно и то же место» (3/4: 53–54). Герой «Носа» беседует также в газетной экспедиции с «аристократическим» «лакеем с галунами», который «почел приличным показать свою общежительность» (3/4: 49).

В «Портрете» представлены «забулдыга лакей» (3/4: 65), «старые лакеи» (3/4: 65), «лакей в ливрейной шинели на меху» (3/4: 83), «великолепная коляска с ливрейными лакеями и щегольским кучером» (3/4: 85); «два великолепных лакея» (последних завел несправедливо разбогатевший художник) (3/4: 90). В «Ревизоре», где, как уже говорилось, изображено «лакейское» поведение уездных чиновников перед мнимым ревизором, выведен плут-слуга Хлестакова Осип. На «лакейство всякого рода» Гоголь обращает внимание в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» (7: 507).

Все это пространное перечисление было бы, возможно, излишним, если бы не недоразумение, посеянное В. В. Гиппиусом. Очевидно, что тема слуг и «лакейской» — сквозная для гоголевского творчества; она так или иначе пронизывает большинство его произведений. Над проблемами служащих, дворни, «лакейской» и «девичьей», применительно к призванию человека, к его воспитанию и образованию, Гоголь задумывался задолго до публикации в 1842 г. одноименного произведения. На это указывает и сама история создания «Лакейской», обязанной своим происхождением «Владимиру 3-ей степени» 1832–1834 гг.

4. Пределы лакейской

В 1886 г. историк литературы О. Ф. Миллер указывал, что «Лакейская», кроме своей непосредственной цели — характеристики мира лакеев, носит еще и прообразовательный характер. Исследователь подчеркивал, что изображенное Гоголем лакейство, «с этими штатами слуг, при которых барину приходится чуть ли не самому отворять дверь, с этою особою фонаберией <...> дамской аристократии», гнушающейся обществом кучеров, следует понимать широко [Миллер: 664]. Миллер писал, что «практическую философию» лакейства — «угождай и преуспевай» (а не живи «по-Божьи, как говорит народ» [Миллер: 665]) — исповедуют герои, обличаемые и в других гоголевских пьесах. «Красноречивым оратором в пользу лакейства» выступает «сват» Кочкарев в «Женитьбе», рассказывающий о чиновнике, «егозившем и надоедавшем

своему начальнику о прибавке жалованья», так что тот «наконец не вынес — плюнул в самое лицо»:

«А жалованья, однако же, все-таки прибавил. Так что ж из того, что плюнет? Если бы, другое дело, был далеко платок, а то ведь он тут же, в кармане, — взял да и вытер» (3/4: 343); «Ведь иным плевали несколько раз...» (3/4: 343) (см. также: [Миллер: 664–665]).

В. И. Шенрок в 1893 г. тоже писал, что через образы слуг в «Лакейской», «Тяжбе», «Женитьбе» Гоголь знакомит читателя с «неприглядными сторонами» («трущобными тайнами») в жизни бар, «представителей официального мира»; передняя барина предстает как точка пересечения зазнавшихся слуг и «унижающихся до панибратских отношений с ними чиновников» [Шенрок, 1893: 352].

На это же указывал позднее С. Н. Дурылин, добавляя, что в слугах Гоголь «намечает несколько социальных прослоек: здесь есть свои командующие — дворецкий и прочая холопья знать, подражающие барам даже в увеселениях, есть и свои командуемые» [Дурылин: 167]. А. Л. Слонимский писал, что горничная Аннушка в «Лакейской», считающая унижительным для себя быть в обществе кучеров, является «точным сколком» аристократической дамы в гоголевском драматическом «Отрывке» [Слонимский: 445]:

«Одно только мне не нравится, что будут кучера» («Лакейская»; 3/4: 423). — «Я очень рада, что на придворных балах не пускают штатских» («Отрывок»; 3/4: 426).

Об отражении в слугах господ писал еще в 1842 г. современник, писатель Петр Ф. Вистенгоф (1811–1855):

«...толпы людей, с прокормежными видами, наполняют Столицу. Нельзя не догадаться, как бывает испорчена нравственность этих людей <...> от праздной и ленивой жизни их <...>.

Если будете наблюдать за образом мыслей и поведением людей, находящихся в услужении в разных домах, то увидите резкие противоположности в лакее Московского магната с лакеем какого-нибудь мелкого помещика <...>. Люди, сообразуясь с званием и преимуществами господ своих, играют между собою также свои роли: лакей магната едва удостоивает

наклонением головы лакея мелкого чиновника...»³⁷ (отмечено: [Виницкий, Виноградская, Врубель и др.: 822]).

«Аристократы» среди лакеев гоголевской пьесы — дворецкий Лаврентий Павлович с женой Агафьей Ивановной, «княжий повар», «камердинер графа Толстогоуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого», «горничная какой-то княгини» и даже «чиновники некоторые» (3/4: 423). А. О. Смирнова, пересказывая (неточно) гоголевскую пьесу, писала:

«Дворецкий дает бал верхушке домашней челяди, и каждый должен доставить кавалера. *Высокорожденная* горничная говорит буфетчику: "Ах, Лаврентий Михайлович, как вы хорошо говорите, я вас всегда слушаюсь" и в этот момент входит маленький слуга с узелком в руке, в фризовой шинели с воротничками. Все смеются и говорят: "А ты, московская ворона, откуда прилетела?" Опять смех и последнее слово Лаврентия Михайловича — "без инженерного офицера и бал не бал"»³⁸ (курсив мой. — И. В.).

Подобно Аннушке, копирующей великосветскую спесь, разделяют барские «ценности» лакеи-зубоскалы, насмехающиеся над простой московской барыней, приехавший в столицу на дешевой коляске:

«...коляска-то орех раскушенный, веревками хвосты лошадям позавязаны» (3/4: 419).

В этом лакеи прямо «цитируют» барыню из драматического «Отрывка», оскорбленную клеветой сплетника, будто она «выехала на гулянье в упряжи из простых веревок на извозничьих хомутах» (3/4: 428).

5. Замысел пьесы: личное и общественное

Несмотря на отдельные наблюдения, авторский замысел «Лакейской» в достаточной мере остается по-прежнему не изученным. Между тем проблематика гоголевской пьесы чрезвычайно для Гоголя значима и находится в самом тесном

³⁷ <Вистенгоф П. Ф.> Очерки московской жизни. П. Вистенгофа. М.: В тип. С. Селивановского, 1842. С. 187–188.

³⁸ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / изд. подг. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989. С. 391.

единстве с главными мотивами его творчества; она связана с широким кругом размышлений писателя о призвании человека, выборе им жизненного пути и профессии, о «задорах», побуждающих человека к деятельности (5: 25). В этом ряду историю слуги, или лакея Гоголь рассматривал как одно из приложений дарованных человеку Богом талантов, — приложением не самым блестящим. На лакейское «сословие» Гоголь смотрел критически, однако само значение «Лакейской» и мотивы создания этого произведения, связанные с широким социально-политическим контекстом, были особо важны для художника, стремившегося представить в своем творчестве максимально полную картину современного общества.

Содержание «Лакейской» носит характер в чем-то даже автобиографический (внимания на это исследователи тоже до сих пор не обращали). Быт «Лакейской» контрастен юношеским планам самого Гоголя о значительном — соответствующем его талантам — месте в обществе, которые, однако, претерпели очень серьезное искушение в самый начальный период его пребывания в Петербурге.

Размышления Гоголя о жизненном призвании, общественном «поприще» каждого, восходят еще к тому времени, когда он сам решал для себя проблему социального самоопределения. К шестнадцатилетнему возрасту, благодаря воспитанию в семье и школе, сложилось устойчивое стремление Гоголя к самоотверженному служению Богу и отечеству — Церкви, обществу и государству [Виноградов. Летопись; т. 1: 482]. Главное место в честолюбивых планах юного Гоголя занимал, разумеется, Петербург. Но средоточие культуры, столичный город требовал от своего «соискателя» — претендента на место в сложившемся организме — соответствующего уровня дарований, образования и культуры. Позднее Гоголь писал Н. М. Языкову:

«У нас воображают, что всё дело зависит от соединения сил и от какой-то складчины. Сложись-ка прежде сам да сделайся капитальным человеком, а без того принесешь сор в общую кучу» (письмо от 5 октября (н. ст.) 1846 г.; 13: 387).

Чтобы соответствовать требованиям, Гоголь, отданный в школу родителями на целые семь лет, с редкими зимними

и ежегодными летними, чуть более месяца, каникулами, «заклучился» в стенах Нежинской гимназии. Обостренное желание соответствовать «цели высшей существования» («Ганц Кюхельгартен», 1827; 7: 45) однажды даже привело его к критическому сознанию, что время, отпущенное на образование, уже упущено и что в оставшиеся полгода он должен наверстать потерянное (10: 79–80). Позднее Гоголь тоже неоднократно говорил, что получил в школе образование «довольно плохое» (см.: [Виноградов. Летопись; т. 1: 309–310; Виноградов, 2024: 50, 60–61]).

Как уже отмечалось, в юности Гоголь «примерял» на себе по крайней мере *пятнадцать* профессий — полтора десятка разных специальностей и ремесел (см. выше, раздел 3-й). Широкий выбор свидетельствовал не только о незаурядной одаренности Гоголя (сказавшейся впоследствии в его творчестве), но и о том, как непросто и небезболезненно будущий писатель находил свое место в обществе. В статье о русской поэзии, создававшейся на протяжении более десяти лет, с 1832–1834 по 1846 г. [Виноградов, 2004: 240–264], Гоголь подчеркивал:

«Участь человека, одаренного способностями разнообразными и очутившегося без такого дела, которое бы заняло все до единой его способности, тяжелей участи последнего бедняка» (6: 178).

Сразу по приезде в Петербург Гоголь столкнулся с материальной нуждой и практической насущной проблемой определения к месту. Созданный позднее в «Шинели» образ мелкого переписчика Башмачкина во многом автобиографичен. «Проблемы» «утирального»³⁹ (титularного) советника Акакия Акакиевича в этой повести (как и проблемы одного из героев второго тома «Мертвых душ» — юного помещика Тентетникова, служащего в Петербурге на ничтожной должности переписчика) — это проблемы самого Гоголя, когда он приехал в столицу. Европейское бюрократическое «разделение труда», обрекающее человека на механическое переписывание, непосредственно коснулось тогда нежинского выпускника, который сначала, в 1830 г., был «употреблен» «на испытание»

³⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 5. С. 366.

в петербургском Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий (должности здесь, даже самой мелкой, Гоголь так и не получил). Затем, в том же году, — был определен «на ваканцию писца» в Департамент уделов [Виноградов, 2001], [Виноградов. Летопись; т. 2: 50, 52, 64, 67]. Из непродолжительной службы на новом месте Гоголь тоже, по его признанию, «извлек <...> только разве ту пользу, что научился сшивать бумагу» [Виноградов. Летопись; т. 2: 68].

В тот же период, с декабря 1830 г., Гоголь ради насущного заработка взялся давать уроки слабоумному от рождения сыну княгини А. И. Васильчиковой, подростку, «признанному за не способного ни к чему»⁴⁰, «с поврежденным при рождении черепом, так что умственные его способности остались навсегда в тумане» [Виноградов. Летопись; т. 2: 113]. По словам очевидца, Гоголь избрал тогда для себя «жалкую долю человека, принужденного из-за куска хлеба согласиться на подобное занятие» [Виноградов. Летопись; т. 2: 113]. Следует при этом лишь иметь в виду, что, занимаясь с больным Васей Васильчиковым, Гоголь уже входил в круг первых литераторов России. Он был знаком с бароном А. А. Дельвигом, В. А. Жуковским, П. А. Плетневым, О. М. Сомовым, вскоре познакомился с А. С. Пушкиным. В авторитетных дельвиговских изданиях — «Литературной Газете» и альманахе «Северные Цветы» — появились тогда его первые произведения.

Несмотря на начало литературного поприща, Гоголь тем не менее более полугода — в то же самое время — продолжал исполнять роль «домашнего дядьки умалишенного ребенка» [Виноградов. Летопись; т. 2: 114]. По-видимому, именно это и вспомнилось Гоголю позднее, когда, непосредственно приступив к работе над «Лакейской», он одновременно, весной 1840 г., выбрал для бенефиса актера М. С. Щепкина комедию итальянского драматурга Дж. Жиро «Дядька в затруднительном положении». Главный герой итальянской пьесы — «дядька, гувернер в доме маркиза» (7: 566). Будучи в числе постоянных служителей дома — воспитателем детей маркиза, он ведет себя с большим достоинством, соблюдая дистанцию и с бариним,

⁴⁰ <Гоголь Н. В.> Г. Янов. Несколько мыслей о преподавании детям Географии // Литературная Газета. 1831. Т. 3. № 1. 1 янв. С. 7.

и с слугами; служит без всякого «жалованья», «только из дружбы» и «единственно из любви» к подопечным (7: 568). (Младшего из своих воспитанников «дядька» поучает, чтобы тот поменьше времени проводил «с служителями» и «лакеями», от которых юноша успел научиться «чересчур тривиальным» «словам и фразам». «По крайней мере, старайтесь подражать разговору вашего отца, учителей, а не слуг», — поучает гувернер (7: 570). — Подобным образом, как указывалось, сам Гоголь в 1833 г. предупреждал мать, чтобы та оградил дочерей от неблагоприятного влияния девичьей; см. выше, раздел 3-й.)

На первых порах пребывания в Петербурге перечисленным трудностям — незадавшейся служебной карьере и «лакейскому» положению «дядьки» при слабоумном ребенке — предшествовала и неудача с литературным дебютом — публикацией в 1829 г. стихотворения «Италия» и поэмы «Ганц Кюхельгартен».

Возможно, некоторое время «несчастливым просителем», обретающемся в лакейской (10: 274), Гоголь провел и тогда, когда в самые первые дни пребывания в Петербурге, в конце декабря 1828 — начале 1829 г., имея рекомендацию богатого соседа и дальнего родственника Гоголей Д. П. Трощинского (бывшего министра Александра I), адресованную к его приятелю, генерал-лейтенанту Л. И. Голенищеву-Кузузову (1769–1846), тщетно пытался добиться от петербургского вельможи помощи. Никакого содействия в устройстве юноши на службу тот, несмотря на рекомендацию, не оказал⁴¹.

Для честолюбивого воспитанника Нежинской гимназии постигшие его в Петербурге неприятности были, конечно, весьма чувствительны, а какие-то — стали и потрясением. Позднее в статье «О Современнике», говоря о мучительном состоянии человека, не находящего применения своим талантам, Гоголь замечал:

⁴¹ Сначала, более недели, с 28 декабря 1828 г. по 5 января 1829 г., Голенищев-Кузузов не принимал Гоголя, потому что был «опасно болен» (10: 96); затем, 5 января, оказал просителю внимание, «принял его очень хорошо, обласкал, сразу перешел на *ты* и пригласил его часто бывать у себя запросто, хотя этим почти все и ограничилось» [Виноградов. Летопись; т. 1: 692–693; 2: 7].

«Они не попали на свою дорогу. <...> Стремление узнать назначение свое есть теперь *страдание* многих людей, одаренных способностями» (6: 212; курсив мой. — И. В.).

Один из современников Гоголя в энциклопедической статье «Талант» писал:

«Внимание к поощрению талантов, коль скоро оные будут в ком замечены, должно быть первейшею обязанностью всякого Правительства, имеющего общественное благосостояние своею целью. Попечение Государя о том, дабы его подданные занимали места, соответственно их дарованиям, есть ближайшее средство к достижению истинной славы, а чрез определение к важным должностям добродетельных мужей с отличными талантами процветают и благоденствуют их государства»⁴².

В реальности, однако, дело обстояло не так благополучно. Заботившийся с юности о своем образовательном и духовном возрастании, Гоголь по приезду в Петербург с тем большим удивлением узнал, что многие себя здесь этим не утруждают, так как бюрократическому механизму — и общей системе социального подчинения — нужен, как выясняется, не одаренный деятель, а скорее, механический исполнитель, «переписчик», или «лакей» — независимо от чина и должности.

Однако, в вынужденном обстоятельствами «гувернерстве» Гоголя 1830–1831 гг. была и своя положительная — то есть плодотворная для будущего художественного творчества — сторона. Находясь на протяжении почти восьми месяцев в окружении лакеев богатых хозяев (кроме дома А. И. Васильчиковой, он с января — начала февраля 1831 г. стал давать частные уроки в домах генерал-майора П. И. Балабина и статс-секретаря императрицы действительного статского советника Н. М. Лонгинова), Гоголь (у которого в тот период был и свой слуга — вывезенный из деревни крепостной Яким Нимченко) продолжительное время был, условно говоря, «на одной ноге» с «кучерами» — домашними слугами петербургской

⁴² Яновский Н. <М.> Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и Технические термины, значение которых не всякому известно... <в 3 ч.> СПб.: При Имп. Академии Наук, 1806. Ч. 3. Стб. 788.

знати, — и не только на глазах хозяев, но и «за глазами» — в «домашней» лакейской обстановке, — а потому мог свободно наблюдать этот общественный тип (вряд ли приходящего к барским детям домашнего учителя лакеи принимали все-речь — а потому, возможно, и не скрывали от него какие-то свои лакейские «тайны»). Вероятно, именно в этот период стал постепенно накапливаться тот первоначальный материал, который лег затем в основу упоминаний о лакеях в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и был использован позже, в 1832–1834 гг., при изображении лакейства во «Владимире 3-ей степени» (именно тех «лакейских» картин, которые в 1839–1840 гг. были извлечены из незавершенной комедии в качестве отдельных драматических сцен). Тема лакейства и великосветской жизни, с чрезвычайной «тонкой» «разборчивостью» петербургской знати в связях и знакомствах, и даже упоминание об образцовом *дворецком* (который, по всей вероятности, и стал вскоре прототипом дворецкого Лаврентия Павловича во «Владимире 3-ей степени») появляется в тогдашнем письме Гоголя к матери. Отправление письма приходится на самый разгар гоголевского «репетиторства» — на то время, когда он давал уроки сразу в трех столичных домах. 16 апреля 1831 г. Гоголь сетовал, что окружающие мать местные помещики «заражены <...> каким-то восточным великолепием: держат *кучу прислужников*», но «порядка в своем дворе и доме» завести так и «не умеют». При этом в письме к матери Гоголь подчеркивает, что петербургское «домоводство» (которое называет тут же «великим делом») было бы для них весьма поучительным:

«Я бы непременно послал многих помещиков учиться в Петербург. Они бы увидели, как всем *огромным двором и домом управляет один человек, и всё в величайшем порядке...*» (10: 155; курсив мой. — И. В.)

Далее, очевидно, прямо подразумевая тех великосветских дам, с которыми познакомился как домашний учитель — княгиню А. И. Васильчикову, В. О. Балабину и М. А. Лонгинову, Гоголь от сообщения об образцовом лакее-дворецком переходит к описанию самих хозяек:

«Более всего удивлялся я уму здешних знатных дам ([Дружеством некоторых из них я пользуюсь] лестным для меня дружеством некоторых мне удалось пользоваться). <...> Никогда не думал я, чтобы [у женщин высо<ко> стоящих>] [у женщин све<тских>] женщина <...> могла иметь столько самоотвержения, столько любви к своим детям, чтобы, отказываясь от всех посещений и даже зазывов во дворец, посвящать и проводить с ними всё время. И это здесь делает большая часть из них. <...> ...знакомые выбирают с величайшею разборчивостью...» (10: 155–156; курсив мой. — И. В.).

Восторженный тон в письме к матери, при описании «самоотверженных» светских дам и «образцовых» лакейских порядков, не должен обманывать. В то время Гоголю важно было убедить мать, что он находится в «хорошем обществе», успешно осваивается в Петербурге. На самом деле в начальный период жизни в Петербурге он получил опыт прохождения почти «лакейского», близкого к лакейскому поприща — и как мелкий переписчик-чиновник, и как домашний гувернер-учитель.

В незавершенной гоголевской повести «Страшный кабан», создававшейся по горячим следам личного гувернерства (в 1830–1831 гг.), — в главе, получившей название «Учитель», возможно, нашло отчасти отражение тогдашнее подневольное положение Гоголя. Здесь изображен наемный наставник двух внуков при барыне-помещице. Этот «педагог» не столько занимается обучением подопечных, сколько с удовольствием выполняет при барыне роль доверенного дворового, затмевая собою в этом деле «даже» приказчика, чему много способствует умение «щеголеватого наставника юношества» готовить настойки, «мотать мотки и даже прясть» (7: 53).

В тот же период Гоголь, подразумевая еще одного из высокопоставленных лиц, от которых зависел, Л. А. Перовского⁴³, вице-президента Департамента уделов (с 1849 г. — граф), писал матери:

«...собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости <...>. Я хочу *прислужиться* этим одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит

⁴³ См.: [Виноградов. Летопись; т. 2: 68–69].

улучшение моей участи» (письмо от 2 февраля 1830 г.; 10: 130; курсив мой. — И. В.).

Спустя пять месяцев, 3 июня 1830 г., он извещал мать:

«Служу я еще только третий месяц в департаменте уделов, находящемся в ведении министерства Двора. Главный начальник мой — вице-президент Департамента, гофмейстер Л. А. Перовский. <...> ...одна из статей моих доставила мне место, ныне мною занимаемое» (10: 138, 140).

По-видимому, непосредственно к своему личному опыту — и на попрание мелкого чиновника-переписчика, и в качестве «репетитора»-гувернера в столичных домах — обращался Гоголь в «Шинели» и «Лакейской», где, вспоминая начало пути, изобразил в качестве итога, как *не должно* опускаться до положения человека, зарывающего в землю свой талант.

6. «Долг» лакея

Проблему самоопределения, положения человека в социуме, неизбежно предполагающем иерархическое «разделение труда», ставит в «Лакейской» дворецкий Лаврентий Павлович. Как и в раннем письме к матери (где Гоголь восхищался образцовым дворецким — вероятно, управляющим домом Васильчиковой), дворецкий в пьесе тоже предстает — в своих подчеркнуто «благочестивых» рассуждениях — как лицо почти «идеальное»:

«В том-то и есть поведенье, что всякий человек должен знать долг. Коли слуга, так слуга, дворянин, так дворянин, архиерей, так архиерей. А то бы, пожалуй, всякий зачал... я бы сейчас сказал: "Нет, я не дворецкий, а губернатор или там какой-нибудь от инфантерии". Да ведь зато мне всякий бы сказал: "Нет, врешь, ты дворецкий, а не генерал", — вот что! "Твоя обязанность смотреть за домом, за поведением слуг", — вот что! "Тебе не то, что бон жур, коман ву франсе, а веди порядок, распоряженья", — вот что! Да» (3/4: 422).

В исследованиях о Гоголе рассуждения «пузатого дворецкого» привлекали внимание не раз. Так, первый переводчик

«Лакейской» на китайский язык литератор и государственный деятель Цюй Цюбо (1899–1935; герой коммунистического движения Китая, казнен гоминьдановцами) в 1920 г. замечал, что рассуждение Дворецкого о «долге» — «Коли слуга, так слуга; дворянин, так дворянин...» — «удивительным образом перекликается с одной из главных заповедей конфуцианского учения: "Пусть отец будет отцом, сын — сыном, государь — государем, подданный — подданным"» [Серебряков: 234]. «Во время «движения 4 мая» 1919 г. (антияпонское движение в Китае, возникшее под влиянием российской революции 1917 г. — И. В.) начали рушиться многовековые конфуцианские нормы и «всякий зачал» мечтать о переменах в своей судьбе. В такую пору, считал Цюй Цюбо, крайне важно знать, каковы язвы общества, и стремиться их искоренить» [Серебряков: 234].

Прямым курьезом является и похожее восприятие образа Дворецкого — как типа положительного — одним из отечественных исследователей. Критик Э. П. фон Берг в 1912 г. по поводу «Лакейской» заявлял: «Яркими чертами набросана картина <...> глупости, лени и лжи, но, с другой стороны, выведены и положительные типы. "В том-то и есть поведение, — рассуждает дворецкий, — что всякий человек должен знать долг. Коли слуга, так слуга; дворянин, так дворянин, архиерей, так архиерей"» [Берг: 367].

Зарубежный славист В. М. Сечкарев в свою очередь полагал, что Дворецкий видит «зло мира — как и Гоголь — в человеческой неудовлетворенности своим положением» [Setschkareff: 180] (отмечено: [Виницкий, Виноградская, Врубель и др.: 814–815]).

Очевидно, что процент «попадания» перечисленных исследователей в настоящий смысл гоголевского образа почти нулевой. Амбивалентность смехового контекста, в который помещены важные нотации Дворецкого — рассчитанные на внушение нерадивых лакеев и одобрение хозяев, — не позволила ни Бергу, ни Цюй Цюбо, ни Сечкареву увидеть в этой изоощренной лакейской «проповеди» глубокую гоголевскую иронию.

«Сатира» Гоголя в помещенных в «Лакейскую» «благочестивых» рассуждениях Дворецкого заключается в том, что высокие понятия лакей апологетически применяет для оправдания своего ничтожного, в духовном отношении, дела — обслуживания праздного барина. Дворецкий — один из типичных в гоголевской сатирической галерее «народных» псевдобогословов — вроде «набожной» свахи в «Женитьбе» — утверждающей, что «уж так Бог <...> создал: уж коли <кто> родился на свет, то уж конечно на то, чтобы с него был жене муж»⁴⁴. «Мораль» дворецкого ущербна тем, что к подлинному служению, достойному употреблению дарованных Богом талантов, лакейство отношения не имеет.

«Встречное» духовное понимание лакейского «поприща» Гоголь оставил в своем «объяснительном словаре» русского языка: «Человекоугодник, вроде подлеца» (9: 451). — Прямое основание такого толкования слова «человекоугодник» — слова св. апостола Павла в Послании к Галатам:

«...аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был» (1: 10) («Если бы я <...> угождал людям, то не был бы рабом Христовым»⁴⁵).

«Брюхач-дворецкий» (3/4: 422), возводя человекоугодничество и раболепство в «священный долг», предлагает видеть в этом само призвание человека, «обрекает» других на ложный путь и предназначение в мире, — так же, как и сваха, лакей предлагает *свое* «богословское» обоснование, для чего человек «родился на свет»⁴⁶. Рассуждая о том, что слуга должен оставаться слугой, дворянин — дворянином, архиерей — архиереем, Дворецкий явно подразумевает апостольское наставление: «Братия, каждый оставайся пред Богом в том звании, в каком кто призван» (1 Кор. 7: 24)⁴⁷. Однако берущийся богословствовать должен

⁴⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 5. С. 326. О многочисленных образах псевдобогословов, выведенных Гоголем в его произведениях, см.: [Виноградов, 2024: 298–300, 338–343, 504, 889–890].

⁴⁵ Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет, на славянском и русском языке / иждивением Российского Библейского Общества, Московского Отделения. Первым тиснением. М.: В Синодальной тип., 1822. С. 702.

⁴⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 5. С. 326.

⁴⁷ Цит. по: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. С. 641.

учитывать и общий контекст апостольских слов, знать другие, предшествующие слова послания: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7: 23).

Свое призвание — «долг» и «обязанность» — «пузатый дворецкий» видит в наблюдении за слугами (его «обязанность» — «смотреть за домом, за поведением слуг», — как говорит он сам себе; 3/4: 422). Но слуги, по Гоголю, — сословие бесполезное, паразитирующее и дармоедничающее — не работающее. На этот счет другой лакей в пьесе замечает:

«...у хорошего барина лакея не займут работой, на то есть мастеровой. <...> ...на что ж мне твоя копейка? а барин-то зачем? Ведь жалованье-то уж он мне выдаст, хоть я работай или не работай. А копить мне на старость зачем? Что ж за барин, коли уж пенсионера слуге не выдаст за службу» (3/4: 418–419).

Слуга Григорий здесь тоже цинично спекулирует духовными основами существования общества, в свою очередь предстает псевдобогословом. Уверенность в «завтрашнем дне», в будущем «пенсione» паразитирующий лакей черпает в христианском отношении к подчиненным — в том числе к престарелым:

«Рабом будите милостиви, яко своя уды и чада любляше: старья на свободу отпускающе, пищу же и потребная им до кончины их подавающе»⁴⁸.

Занятия многочисленных лакеев и слуг «ничтожны» (согласно их оценке официальным «рецензентом» гоголевской «Лакейской» цензором А. К. фон Годерштерном, которую он вынес в преддверии цензурного запрещения пьесы в 1852 г., «представлены лакеи сонные, ленивые, праздные, которые один на другого взваливают ничтожные их занятия...» [Виницкий, Виноградская, Врубель и др.: 816]). Ежедневный «долг» ленивых слуг — вычистить «два-три» подсвечника, открыть дверь, поднести собачку, выколотить ковры (последнее дело, как несколько трудоемкое, впрочем, всегда отлагается; Дворецкий выговаривает подчиненным: «...ведь глаза-то у вас совсем заплыли от сна... <...>. ...ведь ты, не говоря дурного слова, на свинью похож...»; 3/4: 422).

⁴⁸ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 2. Л. 431.

Размышляя о настоящем призвании человека, о путях спасения, Гоголь многократно подчеркивал: «...без слуг можно обойтись», «...слуги не сословие...» («Мертвые души», том второй; 5: 330, 451); «Дворовых мужики называют дармоедами» (записная книжка 1840–1842 гг.; 9: 597). Напротив, квазибогослов Дворецкий придает своему лакейству чрезвычайно высокое нравственное значение, приравнивает барскую службу, ни много, ни мало, к «архиерейству» (низводя тем самым и «слугу Божьего» архиерея⁴⁹ до статуса лакея: «Коли слуга, так слуга, <...> архиерей, так архиерей»; 3/4: 422). В этом Дворецкий перетолковывает и другие апостольские слова — об употреблении дарований:

«...мы <...> имеем различные дары: <...> если кому дано пророчество, пророчествуй, <...> если служение, пребывай в служении; если кто учитель, в учении...» (Рим. 12: 6–7)⁵⁰.

Сопоставляя лакейское служение с призванием архиерея, Дворецкий, как и в других случаях, вновь манипулирует, сознательно или полусознательно, евангельскими заповедями, — он, подобно шулеру-игроку, «передергивает» их смысл. К служению архиерея прямое отношение имеют слова Спасителя, обращенные к апостолам:

«...вы знаете, что князи людские господствуют над народами, и вельможи обладают ими. Но между вами не должно быть так: а кто из вас захочет быть большим, тот будь вам слуга...» (Мф. 20: 25–26)⁵¹.

Такое понимание самоотверженного служения — традиционное для христианской литературы. В житии преподобной Афанасии Эгинской говорится:

«Игумению <...> бе нарицаема, сама же последнюю себе быти вменяше, соблюдая заповедь Господню: иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга <Мф. 20, 25>. <...> От живших бо с нею жен, ни единой когда попусти служите себе, или воду на руце возляяти...»⁵².

⁴⁹ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 1. Л. 385 об.

⁵⁰ Цит. по: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. С. 612.

⁵¹ Там же. С. 72.

⁵² <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 3. Л. 235.

Сравнительно с этим духовно высоким, но смиренным архиерейским и игуменским служением, Дворецкий, ревнуя о «святости» своего лакейского «долга», подобно многим другим гоголевским псевдобогословам, восклицает:

«...вот, точно, Божеское наказание: десять человек в доме и хоть бы один что-нибудь прибрал. <...> Побоялись бы хоть совести своей, коли Бога не боитесь. Ведь ковры до сих пор не выколочены» (3/4: 422).

В «священном трепете» за барские ковры Дворецкий повторяет «богословие» Плюшкина, который, поработенный стяжанием, упрекает в том других и угрожает крепостным Страшным Судом за утрату «бумажки»:

«...такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание <...>.

— Лежала на столе четвертка чистой бумаги, <...> да <...> люди <...> такие негодные! <...>

— Вот <...> на Страшном Суде черти припекут тебя за это железными рогатками!» (5: 120, 123).

Аналогичная божба, — сродни той, что вызвана выколачиванием ковров, — высмеивается Гоголем в «Женитьбе»:

«Святые, помилуйте наш грешных! В комнате совсем не прибрано. <...> ...платье не выглажено. <...> Ах, Господи милосердный, не погуби, надень другое» (3/4: 328).

И, еще раз, в «Мертвых душах»:

«...у вас разве есть выкройка? <...> ...дайте ее мне *ради всего святого*» (5: 175; курсив мой. — И. В.).

В лакейском служении — самоотверженном стоянии за светское «комильфо» — Дворецкий настолько «религиозен», что даже становится критиком света: его «призвание», по его словам, многим даже выше того, на что, собственно, оно направлено. Свой «долг» лакей отделяет даже от опекаемой светскости. «Богословствующий» дворецкий простирает свою критику не только на недостаточно ревностных в служении лакеев, но и на самого барина. Только лакейские «обязанности», в отличие от пустых занятий светского круга, составляют,

по его мнению, настоящий «смысл жизни». Себя в звании дворецкого он ощущает, как уже говорилось, едва ли не архиереем (возможно, впрочем, не без доли лукавства). В сравнении с этим «архиерейством» светское праздное ничегонеделанье (которое Дворецким полупрезрительно побранивает, приводя обрывки фраз: «бон жур, коман ву франсе» — «добрый день, как вы себя чувствуете»; *фр.*), представляется вполне ничтожным — не выдерживающим сравнения с его собственным «священным призванием». (Подобно Дворецкому, так же считает себя умнее «просвещенного» барина — и соответственно ведет себя — и лакей Осип в «Ревизоре». По словам Осипа, Хлестаков беспутен оттого, что «делом не занимается: вместо того чтобы в должность, <...> идет гулять по прешпекту, в картишки играет». «Коли служить, так служи», — подчеркивает слуга, «вторя» Дворецкому; 3/4: 236.) В критической оценке «брюхачом-дворецким» барского, бездельного круга гоголевская ирония становится особенно изоциренной и насмешливой:

«Коли слуга, так слуга, <...> архиерей, так архиерей. <...> Тебе не то, что бон жур, коман ву франсе, а веи порядок, распоряженье» (3/4: 422; курсив мой. — И. В.).

Критикуя праздное барство, свое бесполезное и даже вредное лакейство Дворецкий ставит в ряд *наиболее* важных, богословски «оправданных», священно-законных поприщ человека. Сознание его глубоко парадоксально, а «богословие» — вопиюще противоречиво. Сознывая себя — как лакейского «архиерея», свято исполняющего обязанности, — выше самого барина, «человекоугодник»-«подлец» апологетически защищает свое подличанье как «смирненное» исполнение христианского долга.

В целом услужливые «господа в ливреях» (1/2: 284), вместе с заинтересованными хозяевами, формируют почти религиозные принципы лакейского служения; складывается целая «философия» единого псевдодела — обслуживания трутня-барина. Именно это стремление общества, основанного на лакейских принципах выдать пустое за «доброе» (Ис. 5: 20), придать ореол «святости» заурядному угодничеству, предложить свой «путь спасения», и подпадает под гоголевское обличение.

7. Труд и праздность

На новейших принципах «разделения труда» между многочисленными слугами, лакеями и мастеровыми (теми, что являются производителями развращающей роскоши) утверждается в итоге соответствующая житейская «мораль» псевдотрудового образа жизни:

«...у хорошего барина лакея не займут работой, на то есть мастеровой. Вон у графа Булкина — тридцать <...> человек слуг одних; и уж там <...> нельзя так: "Эй, Петрушка, сходи-ка туды". — "Нет, мол, скажет, это не мое дело; извольте-с приказать Ивану"» (3/4: 418–419).

Слугу-труженика, добросовестно исполняющего сразу несколько обязанностей, наделенного, кроме лакейства, полезным ремеслом женского портного, «просвещенные» столичные лакеи презрительно высмеивают, называя «московской вороной» (3/4: 418).

К любому *честному* труду Гоголь относился с неизменным уважением, видя в нем исполнение жизненного долга (Быт. 3: 19). Многочисленные примеры такого отношения — в жизнеописаниях святых, которым следовал Гоголь:

«...и творя вся подлейшие дела со смирением: изметаша трапезную храмину, и прочия келлии; постилаша сестрам постели; воду в поварню и дрова ношаше, и варяше снеди, и омываше сосуды...»⁵³ (житие преподобной Евпраксии Константинопольской).

Подобным образом и иерархического разделения труда Гоголь в принципе, следуя апостольскому наставлению, тоже не отрицал. Признавая разумное «распределение работ» (3/4: 418–419, 378), он в 1840 г. писал сестре в родную Васильевку:

«...так как одному человеку нельзя входить во всё, то по этому самому и должно непременно разделить труды» (11: 319).

В житии преподобного Феодора Студита на этот счет говорится:

⁵³ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 4. Л. 402 об. — 403. См. также: Л. 355 об., 491, 495, 510 об.; Т. 1. Л. 69 об., 97 об., 111 об.

«Потщася же преподобный и о сем, да <...> внутрь монастыря всякое художество имети: и учими бываху братия различному художеству, <...> древодел<ь>ству и зданию, <...> кузнечеству, <...> тканью, <...> каменосечению, и всякому, еже монастырю потребно есть, делу»⁵⁴.

В статье «Русский помещик», Гоголь, подразумевая, вместе с обычным «распределением работ», апостольское слово о разделении дарований — и слова Самого Спасителя об ответственности за дарованные таланты (Мф. 25: 14–30; Лк. 19: 11–27), — добавлял: «...всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом» (6: 110). «Что ж другое все способности и дары, которые розные у всякого? — говорит у Гоголя во втором томе поэмы один из героев. — Ведь это орудия моления нашего...» (5: 345).

Исходя из законности земледельческого труда (Быт. 13: 19; Притч. 12: 11; Сир. 7: 15), Гоголь более всех занятий признавал ту форму трудовой деятельности, которая преобладает в обществе, основанном на земледелии, — менее подверженном роскоши и обезличивающему промышленному разделению труда. Об этом, в частности, размышляет помещик Костанжогло во втором томе «Мертвых душ». О том же Гоголь напоминал в статье «Русский помещик» и в заметке <Труд> (см.: [Виноградов, 2025d: 133–134]).

В последние годы жизни Гоголь, подводя итог своих многолетних размышлений об употреблении талантов (и непосредственно «выправляя» несправедную мораль «богословствующих» лакеев), писал:

«...после долгих лет и трудов, и опытов <...> я пришел к тому, о чем уже помышлял во время моего детства: что назначение человека — *служить* и вся жизнь наша есть *служба*. Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы *служить* на нем Государю Небесному (о таком служении Богу говорится, к примеру, в житии преподобного Евфросина Палестинского: "...служаше братиям в поварне, служаше же не яко человеком, но яко Богу... <...>. Снедь варя братии, готовяше себе в Царствии Божии трапезу житием своим

⁵⁴ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 1. Л. 346. См. также: Т. 3. Л. 125.

добродетельным"⁵⁵. — И. В.) <...>. Только так *служи*, можно *угодить* всем: Государю, и народу, и земле своей» (6: 244; <Авторская апология>; курсив мой. — И. В.).

Почти в то же время, в 1847 г., в письме к художнику А. А. Иванову, Гоголь замечал:

«...и лакейское место ничем не дурно, если взглянуть на него в христианском смысле...» (14: 57–58).

В письме к П. А. Плетневу 1844 г. он тоже подмечал:

«У Бога хорошо быть и приказчиком» (12: 527).

Однако «распределение работ» для обслуживания прихотей не занятого ничем барина — это уже, по Гоголю, *не* исполнение христианского долга, а лукавая его подмена, даже мошенничество. О подобном мошенническом «разделении труда» упоминают герои гоголевских «Игроков» — такие же бездельные «просвещенные» жулики, как и праздные лакеи. Распределение «обязанностей» им необходимо для более эффективного ведения их «дела» — карточного шулерства:

«Есть в одном городе <...> один почтенный человек, который больше ничем уж и не занимается, как только. <...> ...чтобы разобрать крап всякой карты и послать от себя только ключ. <...> Это то, что называется в политической экономии распределение работ. Все равно каретник: ведь он не весь же экипаж делает сам; он отдает и кузнецу и обойщику» (3/4: 378).

Таким образом, изображая в «Лакейской» — и в многочисленных образах других произведений⁵⁶ — мир слуг и лакейства, Гоголь предпринял анализ «сословия», которое, будучи социальным слоем, широко в обществе представленным, сословием, по его глубокому убеждению, не является.

8. Читатели Адама Смита

Представления Гоголя о *законном* и — противоположном — *беззаконном* «распределении» общественных работ — являющем себя, с одной стороны, в социально значимой иерархии

⁵⁵ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 1. Л. 69 об.

⁵⁶ См. выше, раздел 3-й наст. статьи.

Церкви и государственности, а с другой — в «налаженной» и организованной, но пагубной деятельности мошенников, направленной к несправедливому стяжанию (оба этих аспекта одинаково отражаются в рассуждениях «просвещенного» Дворецкого в «Лакейской»), проистекают из двух источников. С одной стороны, таким источником было Евангелие (как отмечалось выше, это многочисленные наставления Спасителя и апостолов). Другим средоточием идей разделения труда были новейшие экономические теории, преимущественно западного происхождения. Во втором случае реплики Дворецкого в «Лакейской» («Коли слуга, так слуга, дворянин, так дворянин...»; 3/4: 422) и шулера Утешительного в «Игроках» («Это, что называется в политической экономии распределением работ»; 3/4: 378) прямо отсылают к известному труду шотландского экономиста XVIII в. А. Смита — четырехтомному «Исследованию природы и причин богатства народов» (англ. "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations"; 1776).

Работа А. Смита о разделении труда в Европе и России не прошла незамеченной. Русский перевод книги появился в самом начале XIX в.⁵⁷ и сразу нашел своего читателя. Как явствует из реплик героев «Лакейской» и «Игроков», книга входила и в круг чтения Гоголя.

(На руках труд А. Смита был, как выясняется, не у одного Гоголя, но и у других воспитанников Нежинской гимназии, где он провел семь лет. Так, название книги шотландского философа встречается в записной тетради одного из гоголевских соучеников, выпускника гимназии 1826 г. В. В. Тарновского. Эту тетрадь Тарновский в 1826–1829 гг. заполнял сам, а затем передал Гоголю (который заполнял тетрадь в 1830–1834 гг.):

«Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Шмида (sic), перевод Николая Политковского старшего, подаренна (sic) от Петра Ивановича Якубовича в 1826 году в июле. — Число томов — 4» [Шенрок, 1896: 901].)

⁵⁷ <Смит А.> Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита / пер. с англ. СПб.: В тип. Государственной Медицинской Коллегии, 1802. Т. 1. 586 с.; 1803. Т. 2. 354 с.; 1805. Т. 3. 644 с.; 1806. Т. 4. 561 с.

Книгу А. Смита читал также Пушкин. Именно этот труд упоминает, в частности, пушкинский «просвещенный» герой, Евгений Онегин: «Зато читал Адама Смита...»⁵⁸.

Здесь необходимо сделать одно важное уточнение. Вопреки долго бытовавшим представлениям о «тождестве» Пушкина с Онегиным, сам создатель образа «просвещенного» светского денди относился к своему мнимому «двойнику» весьма критически. Нельзя, недопустимо отождествлять *поэта* Пушкина с героем, который в *пушкинском* изображении принципиально *не* поэт — не умеет отличить даже «ямба от хорея». Пренебрегает герой и поучительной «хронологической пылью» мировой истории, то есть не обладает необходимыми для всякой личности историческими познаниями. (Достаточно упомянуть о патриотическом упреке Пушкина современникам: «...вы не читали сии кровавые скрижали...»⁵⁹.) Еще меньше сочувствия поэта вызывала «любовная наука», с которой он вывел своего героя — не ради того, чтобы этой неприглядной черте подражали читатели, но, напротив, для создания негативного отношения к этому явлению — о чем Пушкин неоднократно писал в своих частных посланиях и в самом романе, подчеркивая, что распутство Онегина — «эта важная забава»: «Достойна старых обезьян / Хваленых дедовских времен...»⁶⁰ (подробн. см: [Виноградов, 2025d: 123–128]).

Тем не менее в светском секуляризованном обществе — «зеркале» Онегина — герой заслужил и одобрение, и, вопреки воле автора, стал предметом подражания (в этом случае речь идет, конечно, не о бесспорных художественных достоинствах пушкинского произведения).

Отнюдь не близкой Пушкину была и еще одна черта *непоэта* Онегина. Как раз эта черта и связана с именем А. Смита. Труды

⁵⁸ <Пушкин А. С.> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. <Разговор книгопродавца с поэтом; Глава первая>. СПб.: В тип. Департамента Народного Просвещения, 1825. С. 7.

⁵⁹ Пушкин А. Клеветникам России // <Жуковский В. А., Пушкин А. С.> На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб.: Напечатано в Военной тип., 1831. С. 6. Курсив мой. — И. В.

⁶⁰ <Пушкин А. С.> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава IV и <глава> V. СПб.: В тип. Департамента Народного Просвещения, 1828. С. 11–12.

европейских экономистов Онегин читал *вместо* высоких творений поэзии и истории: «*Зато* читал Адама Смита, / И был глубокий эконом...»⁶¹ (курсив мой. — И. В.). Такая замена, по Пушкину, недостатков героя в образовательной сфере, конечно, не выкупает. К тому же, если следовать пушкинской мысли, — которая вполне явственно обозначена в романе — «познания» в самой «экономике» Евгения Онегина заключаются главным образом лишь в том, что он является характерным представителем новейшего «просвещения», потребителем западной развращающей роскоши — и наследником соответствующих ей пороков. Онегин — на самом деле «двойник», но не Пушкина, а графа Нулина из одноименной пушкинской поэмы⁶². Подразумевая позднее своих «просвещенных», воспитанных на западный манер, непоэтов Онегина и Нулина, Пушкин писал:

«С изумлением увидели <...> все благородное, <...> все возвышающее душу <...> подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort)...»⁶³.

С выходом в свет «Исследования...» А. Смита к трудам многочисленных философов и мыслителей (начиная с «божественного» Платона, посланий св. апостолов, творений блаженного Августина и др.), которые размышляли о проблеме «распределении работ» и видели в этом залог разумности общественного устройства (см. подробнее: [Виноградов, 2025b: 113–115]), — в новейшем сознании прибавилось, в соответствии с духом времени, принципиально *иное* освещение вопроса. Главный тезис европейского философа-политэконома в его труде (хорошо известном, как явствует из вышеизложенного, и пушкинскому, и гоголевским героям) прост: разделение труда есть источник *богатства*. А. Смит констатировал, что новейший комфорт, роскошь широко распространены в Новое время «даже и в простом народе», — а «люди богатые

⁶¹ <Пушкин А. С.> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. <Разговор книгопродавца с поэтом; Глава первая>. С. 7.

⁶² Пушкин А. Граф Нулин // Северные Цветы на 1828 год. СПб.: В тип. Департамента Народного Просвещения, 1827. Поэзия. С. 3–18.

⁶³ <Пушкин А. С.> Джон Теннер // Современник. 1836. Т. 3. С. 205.

издерживаются паче всего на роскоши и суетность»⁶⁴. Экономист отмечал, что даже «самого низкого состояния человек в просвещенной стране» «в удобствах в жизни превышает» ныне «многих Африканских владельцев»⁶⁵.

По книге А. Смита Гоголь мог судить и о неуклонном разрастании «лакейской» во всех сферах жизни современного общества, о распространении «человекоугодия», то есть потворства низменным устремлениям на все ступени социальной лестницы, а также об *общей* судьбе слуг и зависимых рабочих(-ниц) — и их повсеместном умножении:

«Когда владелец <...> имеет больше дохода, <...> то весь избыток свой <...> обращает на содержание одного, двух или более слуг. <...> По мере приращения избытка <...> он, конечно, умножать будет и число работников своих»⁶⁶.

Как и в наброске ко второму тому «Мертвых душ»: «Вот оно, вот оно, что значит...» («<Какой тесный> круг, какое стеснение ума»⁶⁷), — Гоголь проявляет сочувствие к отупляющей и унижительной участи обитателей земного града (об этом см. также выше, в разделе 3-м наст. статьи). В повести «Рим» он писал о «тягостном выражение в лицах», которое подмечает его герой «на синих блузах (традиционная одежда французского простонародья. — И. В.) и на всем народонаселенье» цивилизованного Парижа (3/4: 194) — «великой выставки всего, что производит мастерство, художество и всякий талант» (3/4: 181–182), где «один силился пред другим во что бы то ни стало взять верх хотя бы на одну минуту» (3/4: 186). Компенсируя свое унижение, деградацию своего сияющего таланта, падшая красавица «цивилизованного» Петербурга (*утопающая* в адской «пучине») в свою очередь демонстрирует у Гоголя «мораль», прямо сходную с «философией» праздных лакеев и карточных шулеров, сторонников «разделения труда», предмета размышлений А. Смита:

⁶⁴ <Смит А.> Исследование свойства и причин богатства народов. Т. 1. С. 165; Т. 4. С. 289.

⁶⁵ Там же. Т. 1. С. 26–27.

⁶⁶ Там же. С. 144–145.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

«Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою» (3/4: 27).

(Такую же реплику произносила ранее у Гоголя не менее гордая *утопленница*-самоубийца в «Майской ночи...»: «Она мучила меня, заставляла работать, как простую мужичку»; 1/2: 149). Как уже отмечалось, противоположные примеры отношения к любому *честному* труду находим в жизнеописаниях святых; см. выше, раздел 7-й.)

Критика европейского «разделения труда» содержится у Гоголя и во втором томе «Мертвых душ», в упоминании об одной из многочисленных схоластических книг в библиотеке помещика-бюрократа Кошкарева:

«Тут были <...> шесть томов в ряд под названием: "Предуготовительное вступление к теории мышления в их общности, совокупности, сущности и во применении к уразумению органических начал *обоюдного раздвоенья общественной производительности*"» (5: 304; курсив мой. — И. В.).

В противостоянии двух градусов — земного и небесного [Виноградов, 2025d] — Гоголь размышлял над тем, что может предложить каждому человеку тот или иной градус, — достойное поприще для развития личности, в общественно организованном, гармонически соподчиненном совершенствовании дарованных Богом разных талантов, до исполнения каждым «меры возраста Христова» (Еф. 4: 13), — или, напротив, превращение в бесплодную «мертвую душу», на что обрекает человека следование новейшим принципам промышленного «разделения труда».

9. Лакейство западничества

Гоголевская аналогия, содержащая уподобление новейшего явления современности — европейского разделения труда — организации труда в лакейской, вполне понятна. Так же, как лакеи обслуживают барина, так же весь мир, по наступлении «завоеваний» промышленной революции, работает на производство обольщающей и развращающей роскоши — «низкой роскоши XIX столетия <...>, выведшей на поле деятельности золотильщиков, мебельщиков, обойщиков <...> и кучи мастеровых и лишившей мир Рафаэлей, Тицианов, Микель-Анжелов...»

(повесть «Рим»; 3/4: 193). Еще в период работы над «Владимиром 3-ей степени», в 1834 г., в статье «Скульптура, живопись и музыка» Гоголь писал:

«Все составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства»; «...в нынешнее время <...> наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век» (6: 288) (подробнее см.: [Виноградов, 2010]).

Прообразовательный характер созданной позднее пьесы — которая призвана охватить куда более широкий круг явлений, чем судьба рядовых лакеев — и чем мнимозначимая «проблема» разделения труда между ними, — являет в «Лакейской» и другой ее немаловажный аспект. Уместно поставить вопрос, существовал ли вообще когда-либо подобный, как у Гоголя, богословствующий дворецкий, рассуждающий о религиозном долге лакейства? Насколько «реалистичен» выведенный писателем образ?

Безусловно, при создании «Лакейской» Гоголь использовал многочисленные житейские наблюдения. Прообразом расудительного дворецкого мог, в частности, быть «лакей высшего разряда», которого Гоголю удалось разговорить в 1839 г., по пути в Петербург, на дорожной станции Померанье Новгородской губернии (село, основанное в конце XVIII в. колонистами, выходцами из немецкой Померании). С. Т. Аксаков вспоминал:

«Помню я также завтрак на станции в Померани, которая издавна <...> была замечательна тогда уже старым своим слугою, 20 лет ходившим по-видимому в одном и том же фраке, в одних и тех же чулках и башмаках с пряжками. Это был лакей высшего разряда, с самой представительной наружностью и приличными манерами. Его знала вся Россия, ездившая в Петербург. <...> С этим-то, интересным для Гоголя, человеком умел он разговаривать так мастерски, впадая в его тон, что всегда хладнокровно-учтивый старик, оставляя вечно носимую маску, являлся другим лицом, так сказать, с внутренними своими чертами» [Виноградов. Летопись; т. 3: 336].

Аксаков при этом обращал особое внимание на то, как «образцово» понимал померанский лакей исполнение своего «долга»:

«В какое бы время дня и ночи ни приехали порядочно одетые путешественники, особенно дамы, лакей-джентльмен являлся немедленно в полном своем костюме. Меня уверяли, что он всегда спал в нем, сидя на стуле» [Виноградов. Летопись; т. 3: 336].

Прототипами для героев «Лакейской» служили и другие лица. Образ важного слуги Лаврентия Павловича, охарактеризованный впоследствии в «Лакейской» как «пузатый дворецкий», «брюхач-дворецкий» (3/4: 422), был выведен с таким именем-отчеством еще 1832–1834 гг. во «Владимире 3-ей степени» (7: 135, 137) (об образцовом дворецком, управляющем домом Васильчиковой (или Балабиной, или Лонгиновой), Гоголь сообщал в письме к матери от 16 апреля 1831 г.; (10: 155); см. выше раздел 5-й).

Тем не менее сцена, где Дворецкий рассуждает о своем «священном» долге, относится к тем фрагментам пьесы, которые были написаны, сравнительно с отрывками 1834 г., позднее — в период с осени 1839 по весну 1840 г.

Можно предположить, что фигура псевдобогослова Дворецкого, провозглашающего христианским долгом человекоугодничество, во многом носит у Гоголя, в соответствии с общим широким замыслом пьесы⁶⁸, прообразовательный характер, указывает на другое, типологически сходное — и не менее важное общественное явление. Оправдание недостойного образа мыслей и самого жизненного, в соответствии с новейшими «принципами», поведения, с употреблением изощренной риторики, присущее, по Гоголю, не только «просвещенным» лакеям, но и в еще большей степени «высшим» социальным кругам и сословиям, превосходящим начитанных лакеев. Обращение «богословствующего» Дворецкого к новейшим западным понятиям и ценностям, к выкладкам современных экономических теорий (к апологии разделения труда А. Смита — перемешанной с евангельским учением о разделении дарований в теле Церкви) указывает, по всей видимости, на то,

⁶⁸ См. раздел 4-й наст. статьи.

что этот образ является одновременно притчеобразным воплощением типа современного «образованного» западника — «лакействующего» перед новейшим «просвещением», то есть художественным обличением «идолопоклонства» и раболепства перед секуляризованными западными «образцами». Гоголевский образ, таким образом, реалистичен не только относительно образованных «лакеев высшего разряда», представителей прислуживающего сословия, но и применительно к социальному типу убежденного «русского европейца».

«Блистательным лакейством» называл западничество друг Гоголя поэт Н. М. Языков. Обличая оппозиционного, критически настроенного к «дому Романовых» славянофила К. С. Аксакова за увлечение немецкой схоластикой (за то, за что всегда обличали Константина Аксакова и Гоголь, и С.П. Шевырев; см.: [Виноградов. Летопись; т. 3: 486]), Языков писал:

«Дай руку мне! Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь <...>
Тому, кто нашу Русь злословит <...>
И кто неметчине лукавой
Передался. — И вслед за ней,
За госпожею величавой,
Идет, блистательный лакей...»⁶⁹.

Это стихотворение Языков 17 января 1845 г. отправил Гоголю (13: 28).

Другой единомышленник Гоголя, славянофил-государственник С. П. Шевырев, тоже понимал «лакейство» расширительно. В 1835 г., подразумевая французского галантного поэта К. Маро (1496–1544), он замечал, что «в лакейской» порой оказывается и поэзия:

«Общество Французское при Дворе — и Поэзия там же. Сначала является она в виде камердинера Франциска I, в виде Clément Marot, — является в лакейской»⁷⁰.

⁶⁹ Жихарев М. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 44–45.

⁷⁰ <Шевырев С. П.> История поэзии. Чтения Адъюнкта Московского Университета Степана Шевырева. Том первый, содержащий в себе Историю Поэзии Индийцев и Евреев, с приложением двух вступительных чтений о характере образования и Поэзии главных народов новой Западной

«Лакейство» западничества стало впоследствии понятием традиционным. Ф. И. Тютчев в 1857 г. писал:

«Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской»⁷¹.

Нежинский профессор Н. Я. Аристов в 1882 г. указывал: «Немало воды утекло со времени кончины Н. В. Гоголя <...>, но доселе его пророчество о самобытном течении русской жизни далеко еще не оправдалось. Иноземщина до такой степени въелась в мозг русских полуиностранных, что им сначала показался даже диким народный путь, на который указывал гениальный писатель... <...>. Не понимая своего народа, <...> полуобразованные люди преклонялись перед всей заграничной цивилизацией, не находя ничего хорошего в земле своей. Это лакейство перед всем чужим привело к отрицанию исторического склада русской жизни, веры отцов своих, народной формы правления и всего бытового отечественного строя» [Аристов: 147].

Насыщенность «Лакейской» западнической проблематикой указывает на то, что критика Гоголя распространяется не только — и не столько на круг лакеев, но на западничество в целом — как лакейство пред Западом. «Лакейская» — это острая сатира на лакейство западничества, в круг которого входят и слуги, и господа. Дворецкий «лакействует» и пред барином, которому служит, и пред новейшим «просвещением» — вероятно, опять подражая в этом своему хозяину. Образ подобного «знатного лица»-западника Гоголь вывел в 1834 г. в «Записках сумасшедшего» (где использовал многие мотивы оставленного в 1834 г. «Владимира 3-ей степени» — «первоисточника» «Лакейской»). Кабинет начальника героя «Записок сумасшедшего» «весь» «установлен шкапами с книгами» и, как добавляет тут же «лакей»-чиновник «его превосходительства», книгами иностранными:

Европы. М.: В тип. А. Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1836 (цензурное разрешение 21 дек. 1835 г.). С. 65.

⁷¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. М.: Издательский Центр «Классика», 2003. Т. 2 / сост. В. Н. Касаткина. С. 99.

«Я читал название некоторых: всё <...> такая ученость, что нашему брату и приступа нет: всё или на французском, или на немецком» (3/4: 160).

Подобную библиотеку, полную изданий схоластической «учености» (изучающей, почему слон не «родится в яйце»; 5: 237), Гоголь изобразил позднее в «книгохранилище» «сумасшедшего» помещика-«европейца» Кошкарева во втором томе «Мертвых душ» (где, в числе прочих, находятся, как указывалось, и книги по «обоюдному *раздвоенью общественной производительности*»; 5: 304 (курсив мой. — И. В.)). Обращаясь в «Выбранных местах...» к «близорукому приятелю» Гоголь тоже писал:

«Мысли твои о финансах основаны на чтении иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли. Стыдно тебе <...> не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламостить его чужеземным навозом» (6: 134).

На бесполезность и даже вред западных «психологических» и «философских» трактатов протестантской учености Гоголь указывал еще раз в 1836 г. в рецензии для пушкинского «Современника» на книгу «Руководство к педагогике, или науке воспитания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским...» (7: 493–495) (о новой атрибуции этой гоголевской рецензии (ранее она считалась относящейся к книге Е. И. Ольдекопа «Картины мира...»), см.: [Виноградов, 2025b]).

10. Политическое исследование Гоголя

«Лакейская» тема тесно связана у Гоголя с социально-политической проблематикой. Общественно-государственная программа Гоголя далека от тех представлений, который все агрессивней и шире распространялись в обществе с приближением трагедии 1917 г., — от взглядов радикально-оппозиционной части общества, унаследовавший декабристскую идеологию. Свои политические убеждения Гоголь вынашивал, стремясь к максимальному соответствию их Евангелию, заветам Спасителя.

Издrevле множество разных слуг — неизменная примета «значительного лица», его «общественное» признание, знак высокого социального статуса. В житии преподобного Алексия, человека Божия (IV–V вв.) сообщается:

«...приближаясь к дому своему, сретe отца во время обеднее от царския палаты в дом возвращающагося со множеством слуг предыдущих и восследствующих»⁷².

Эту тему, как отмечалось⁷³, Гоголь затрагивал и в драме <Альфред>, из европейской истории (7: 359).

Обращает, однако, на себя внимание, «обратная» зависимость «значительных лиц» от слуг — в действиях гоголевских героев очень часто подчеркивается оглядка на лакеев. Подколесин в «Женитьбе» выговаривает приятелю, обозвавшему его «дрянью»:

«В своем ли ты уме? Тут стоит крепостной человек, а он при нем бранится, да еще эдакими словами...» (3/4: 323).

Чиновники, обсуждая в <Окончании девятой главы первого тома «Мертвых душ» в переделанном виде> назначение нового, более строгого генерал-губернатора, замечают:

«— Однако ж <...> мы говорим на улице, при кучерах. Лучше ж заедем» (5: 509).

«Осмотрительный» «любитель искусств» в «Театральном разъезде...», услышав по поводу «Ревизора» толки о «правительстве», тоже предостерегает:

«Поговоримте лучше об этих толках и криках у меня, чем здесь, в театральных сенях» (3/4: 444).

Другой господин, «благородной наружности и прилично одетый», тут же замечает:

«Однако ж народ выходит, пойдемте! Подымать шум, кричать, поощрять! а дело — просто вздор!» (3/4: 466).

Соответствующие сцены есть в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина (высоко оцененном Гоголем еще в 1830 г.; 7: 69–73).

⁷² <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 3. Л. 100.

⁷³ См. выше раздел 3-й.

В драме говорится о подслушивании слугами господ и последующих политических доносах холопов на барина⁷⁴.

А. О. Смирнова, бывшая фрейлина, вспоминая о том, как в 1830 г. в императорской семье было воспринято известие о французской революции, сообщала:

«В этот день назначен был обед в павильоне, где обед поднимается механикой Показунина и *слуг нет и в помине*»⁷⁵ (курсив мой. — И. В.).

Во втором томе поэмы о расчетливом хозяине Костанжогло, как говорилось, сообщается:

«Костанжогло не любил, чтобы лакеи слушали господские <разговоры>...» (5: 431).

В «Портрете» тоже упоминается, как обладатель червонцев художник Чартков «выглянул в переднюю (в "лакейскую". — И. В.), услал за чем-то Никиту, чтобы быть совершенно одному», — и только потом уже принялся разворачивать сверток с деньгами (3/4: 79).

Употребление представителями «большого света» французского языка — тоже не только одна из составляющих барской «просвещенности», но и одно из средств барской «секретности» (дабы речей господ «не слышати людям уничтоженным»; Ис. 33: 19):

«...в то время подошел довольно пожилой человек, заговорил с ней на каком-то *непонятном* для Пискарева языке и подал ей руку» («Невский проспект»; 3/4: 22; курсив мой. — И. В.);

«Жи́ды начали опять говорить между собою на своем *непонятном* языке. <...> ...Тарас уже начал опасаться за свою *безопасность*, но, вспомнивши, что жи́ды не могут иначе рассуждать, как на улице, и что их языка сам демон *не поймет*, <...> успокоился» («Тарас Бульба»; 1/2: 397–399; курсив мой. — И. В.).

Лакей в «Плодах просвещения» Л. Н. Толстого по поводу «предусмотрительного» употребления господами, в присутствии слуги, иностранного языка тоже замечает:

⁷⁴ См.: <Пушкин А. С.> Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. СПб.: В тип. Департамента Народного просвещения, 1831. С. 47, 51, 56.

⁷⁵ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 217.

«Это они думают, что мы не понимаем; как сейчас разговорились, взглянули на меня, сейчас: ле жан (подразумевается французское выражение *devant les gens* ("деван ле жан" — перед людьми), то есть не на людях, не перед челядью. — И. В.). <...> ...это значит по-русски: не говори, поймут. За обедом тоже; а я понимаю. <...> Нынче я лакей, а завтра, может, и не хуже их жить буду»⁷⁶.

Слуга более других знает всю подноготную барина, в силу самой близости к нему. Это демонстрирует Осип в «Ревизоре». В разговоре с собой выбалтывает «секреты» барина метущий пол слуга в «Записках сумасшедшего». (В свое время, в 1829 г., юный Гоголь, только что прибывший в Петербург, узнал, тоже от слуги, всю «правду» о А. С. Пушкине — поэт, который, как он полагал, всю ночь писал, на деле, как сообщил ему лакей, играл «в картишки» [Виноградов. Летопись; т. 2: 9].) Через слуг выведывают сведения о барине не только герои «Ревизора», но и «Игроков», и «Мертвых душ».

Лакей, приближенный к барину, слуга-«фаворит» (или, тем более, дворецкий) — это уже тип, к народу почти не относящийся. Это в какой-то мере уже и не слуга, а своего рода «полубарин» — и, опять-таки, еще не барин (но уже и не народ). Он, согласно терминологии игроков, не «король», не «дама», но уже и не простая «карта», а валет — согласно исконному значению этого слова — от французского «*valet*» — слуга, лакей, придворный⁷⁷. Положение его соответствует репликам героя упомянутой переводной комедии Ж. Б. Дюбуа «Марфа и Угар, или Лакейская война», где наемный слуга называет себя «королем лакеев» и добавляет: «...богатство есть душа людей нашего разбора»⁷⁸. Переодевшись в «украинца», герой-мошенник добавляет: «...мини правду казали, що на Москви и хлопци так же гарно ходят, як наши пань»⁷⁹.

⁷⁶ Толстой Л. Н. Плоды просвещения. Комедия в 4-х действиях // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 27. С. 228–229.

⁷⁷ Герой гоголевского «Утра делового человека» замечает: «...тут только козырни — валет мой <...> и берет» (3/4: 406).

⁷⁸ <Дюбуа Ж. Б.> Марфа и Угар, или Лакейская война. С. 29.

⁷⁹ Там же.

Такие «пограничные» ситуации — «ни то, ни се» — позволяющие осветить проблему с большей полнотой, высветить саму «историю вопроса», показать «биографию» и происхождение типа — особенно любил Гоголь. Подобный «пограничный» статус у Городничего в «Ревизоре» — управляющего (как «дворецкий» домом) целым городом. Он тоже тип «межеумочный» — и дворянин, и не дворянин (не потомственный дворянин); и разночинец, и не разночинец; и военный, и статский (отставной военный на гражданской службе) [Виноградов, 2020b: 263–265]. Должность изображенного Гоголем в «Лакейской» дворецкого тоже носит характер «промежуточный» (как и положение гувернера Дона Грегорио в упомянутой итальянской пьесе «Дядька в затруднительном положении», выбранной Гоголем для Щепкина). Дворецкий не простой слуга, но еще и не барин, — он занимает место «начальных слуг дому»⁸⁰. «Промежуточное» положение социального типа, в данном случае лакея — выслужившейся дворни — в секуляризованной среде Гоголь особо подчеркнул во второй главе «Мертвых душ», в фигуре приказчика Манилова, который во многом напоминает «просвещенного» «пузатого дворецкого» «Лакейской». Приказчик бреет бороду, ходит в деревне в сюртуке и проводит «очень покойную жизнь,

⁸⁰ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 1. Л. 17. Позднее, в 1842 г., Гоголь побуждал друга Пушкина П. В. Нащокина принять на себя должность домашнего наставника (такого, каким был сам в доме Васильчиковой — а также в домах Лонгинова и Балабиной; см. выше), а в конце жизни, будучи уже известным писателем, неожиданно вновь, как в далеком 1830 г., собирался «занять место дядьки» [Виноградов. Летопись; т. 7: 214–215] — на этот раз вступив в должность воспитателя при детях наследника Александра Николаевича (будущего императора Александра II) — при его сыне великом князе Николае Александровиче (1843–1865). За это намерение Гоголь, как известно, был подвергнут гневному обличению В. Г. Белинского [Виноградов. Летопись; т. 5: 710–711, 774–775]. Однако никаким «искательством» при Дворе Гоголь никогда не отличался. Мысль его, как всегда, была и оригинальна, и проста. По убеждению писателя, чем шире круг будущего влияния юного подопечного (тем более царя), тем опытнее и надежнее должны быть его наставники (см.: 11: 355; 12: 70). (В этом же ряду находится и сближение Гоголя в 1839 г. с соучеником будущего императора Александра II, графом И. М. Виельгорским (в том же году, к сожалению, скончавшимся), в котором окружающие видели «правую руку» будущего царя (см. подробнее: [Виноградов, 2020a: 80–83]).

потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины»:

«Можно было видеть тотчас, что он совершил свое поприще, как совершают его все господские приказчики: был прежде просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Агашке-ключнице, барыниной фаворитке, сделался сам ключником, а там и приказчиком. А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай» (5: 33).

«Вышедший из народа» приказчик ведет себя во всем, как барин. Это же заинтересованное стремление из слуг в господа обнаруживает лакей Осип в «Ревизоре»:

«Ну, кто ж спорит, <...> житье в Питере лучше всего <...> [в растеряцию (то есть в ресторацию. — И. В.) пойдешь, развалишься так себе на бархатном стуле, на каком и старый *барин* не сиживал] [Весь житель с уважением разговаривает] <...> купцы <...> кричат: почтенный! на перевозе в лодке с *чиновником* сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: <...> горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! <...> Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе как *барин*...»⁸¹ (курсив мой. — И. В.).

В этом отношении и сам барин — это всего лишь бывший «лакей», в свое время удачно выслужившийся (как, к примеру, выслужился из «низких разночинцев», с «низших чинов» (3/4: 219) Городничий). На это Гоголь опять-таки особо указал в «Мертвых душах» — в отдельном отступлении в третьей главе, где изобразил типичного «правителя канцелярии», меняющегося на глазах (превращающегося из «орла» в «куропатку»), когда от подчиненных следует в кабинет начальника:

«...куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет» (5: 49).

⁸¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 4 / тексты и коммент. подготовили В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович. С. 156, 389.

Рассказчик «Портрета» отмечает то же самое поведение в раболепстве купцов пред покупателями в лавке, и противоположной бесцеремонности — на аукционе, где те смело перебивают цены, назначаемые «графами-знатоками» (3/4: 98). Закономерно, что критика лакейства неотделима у Гоголя от критики барства. По взаимной «пошлости» слуги похожи на хозяев, хозяева — на слуг. «Лакейство» оказывается наиболее близкой к барину социальной средой, а гоголевская «Лакейская» — острой сатирой на общий для лакея и барина тип.

Проживая вместе с барином, слуга в определенной мере становится «зеркалом» своего господина, пародируя, по «законам отраженья» (5: 157), и вообще «благодаря <...> нашему русскому обезьянству» (6: 97) барские взгляды и образ жизни. Однако за «копированием» слугами господ угадывается и все возрастающее стремление подчиненных занять место господствующих. В неприязненном отношении слуг к барину просматривается тема назревающей «мести» низших, униженных сословий «высшим», возрастание социальной вражды. Этот мотив соотносится у Гоголя с проблемой создания крепкого государственного устройства, когда из полуразбойничьего господства одних над другими, сильных над слабыми, — когда «свои <...> обдирают своих же» («Вечер накануне Ивана Купала»; 1/2: 115), когда от врагов «дурно, а от наших еще хуже» (<Альфред>; 7: 358), — постепенно вырастает правильно организованная общественная структура, где сильные уже не унижают, а защищают слабых, помогают им, — взимая в то же время за это с опекаемых определенные подати в пользу ратного, не занятого другими трудами сословия (см. выше, раздел 3.11). Однако реальная картина складывающегося «нормального» общественного устройства, оказывается еще долго далека от чаемой. «Подлое» (3/4: 164), с точки зрения барства, сословие, «низкие» слуги, лакеи, весь обслуживающий «барина» персонал и сам народ представляют поэтому угрозу господствующему сословию, вынашивают планы заместить собою «господ». На это Гоголь прямо указывает во втором томе «Мертвых душ», где говорит о том, как «мужики» в одной губернии «взбунтовались против помещиков и капитан-исправников» — полагая, что «наступает такое время», когда

«мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики» (5: 360) (в итоге «целая волость, не размыслив того, что слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников, отказалась платить всякую подать»; 5: 360).

Проблематика «Лакейской» находится у Гоголя в одном ряду с общей темой угнетения — содержащейся в самой Библии (Исх. 1: 13–14). Проблему порабощения Гоголь анализирует в свете присущего «пошлому», падшему человеку стремления возвыситься, «взять верх» над другим. Это стремление Гоголь, в частности, изобразил ранее в «Майской ночи...» в образах честолубивых парубков, сельского головы и простых казаков, величающих себя горделиво «дворянами» (1/2: 76; [Виноградов, 2024: 344–348]). Над этим он продолжил размышлять в «Вии» — где описал игру хуторских обывателей «в кашу или в крагли», по условиям которой «выигравший имел право проезжаться на другом верхом» (1/2: 442); в повести «Рим» — где (подчеркнем еще раз) указал на характерную черту «цивилизованной» парижской жизни:

«Один силился пред другим во что бы то ни стало взять верх хотя бы на одну минуту» (3/4: 186).

Поднимая проблему угнетения, Гоголь решал ее применительно не к противоположным, враждебным друг другу народам — по степени силы и превосходства «угнетающим» соседей, но в рамках единого социального организма, одного социума и цельного христианского «тела общества» [Виноградов, 2025d: 87–94]:

«...все едино тело есмы о Христе Иисусе, Иже есть глава всех»⁸² (см.: Кол. 2: 19).

Устроение единого христианского общества Гоголь рассматривал, подразумевая слова св. апостола Павла в Первом послании к Коринфянам:

«...все мы одним Духом крестились в одно тело... <...>. Тело же не из одного члена, но из многих. <...> И которые кажутся

⁸² <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 3. Л. 126 об.

нам менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения...» (1 Кор. 12: 13–14, 23)⁸³.

Очевидно, что и эти слова апостола — о разном положении членов в составе единого социального организма — превратно истолковывает в свою пользу псевдобогослов Дворецкий в «Лакейской», когда говорит:

«Коли слуга, так слуга, дворянин, так дворянин...» (3/4: 422).

Употребление апостольского наставления дворецким, для которого «священным» и главным выступает поддержание светского «комильфо» — противоположного христианским заповедям — является лишь компрометирующим.

Гоголь изображает общество, зараженное тщеславием и взаимным соперничеством, желанием проехаться «на другом верхом» (1/2: 442), подчеркивая при этом, как пагубно несоблюдение апостольского наставления о взаимной заботе членов общества друг о друге — и поучения апостола о необходимости «попечения», оказываемого менее «благородным» составляющим социума (1 Кор. 12: 23). Анализируя пагубные последствия угнетения, Гоголь, однако, следует опять апостола и отнюдь не занимает сторону мстителей — как это долго пытались представить представители радикального общественного лагеря (современники Гоголя и последующие марксистские и неомарксистские толкователи его наследия). Проблема разделения единого тела общества осмысливается Гоголем в свете того же апостольского наставления:

«Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу?» (1 Кор. 12: 15).

Гоголь в равной мере воздает «должное» *обеим* враждующим сторонам. Суть общественно-политических взглядов писателя заключается в том, что угнетение он рассматривает в свете взаимного тщеславного соперничества членов единого организма. Согласно Гоголю, в нарастающей вражде и назревающей междоусобной схватке *неправы* обе стороны *единого* народа — и «угнетенное», озлобленное низшее сословие — которое вынашивает «законную» месть, и оказавшийся временно

⁸³ Цит. по: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. С. 656–657.

«наверху» «высший» слой. От взаимных распрей, обид и несправедливостей страдает в целом весь организм, целое общество. Раздираемое взаимной ненавистью, не способное, вследствие отказа от евангельского учения, построить правильную иерархию, оно становится постепенно все менее жизнеспособным, на что прямо указывает герой второго тома «Мертвых душ»:

«...покамест, брося все то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как во всем народе, так и порознь во всяком...» (5: 365).

11. Христианский долг

Для Гоголя вопрос трудящегося, податного сословия — вопрос христианской жизни любого человека в целом. В 1849 г. он писал родным в Васильевку:

«...бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труды рук их. <...> Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что они в мире затем, чтобы <...> в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Всё тогда, весь мир идет навыворот — и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного» (15: 175).

Теме тяжелого труда и голода, о которых «пророчит» герой второго тома «Мертвых душ», посвящена сохранившаяся в бумагах Гоголя <Статья неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии> (8: 568–577). Появление этой статьи в гоголевских материалах датируется первой половиной 1830-х гг. В научный оборот она вошла совсем недавно: впервые опубликована нами лишь в 2001 г. [Неизданный Гоголь: 390–398] и в исследовательской литературе до сих пор остается не востребованной. Содержание этой важной статьи тоже имеет прямое отношение к «Лакейской» — некоторые ее наблюдения Гоголь непосредственно использовал в пьесе.

Все содержание статьи о положении крепостных проникнуто неподдельной заботой о податном сословии, испытывающем тяготы и от неурожаев, и от подневольной участи:

«Неурожай всегда застаёт его без запасов хлеба и сена. <...> Если не пособит ему помещик, он легко дойдет до того, что надо будет продать и рабочих волов. <...> Наконец сколько распоряжений со стороны помещика могут повредить ему или совершенно разорить. <...> ...только в самый изобильный год <...> крестьянин получает достаточное количество хлеба для своего продовольствия. <...> В худой год без значительных выдач от помещика испытывает величайшее бедствие и умирает от голоду» (8: 569–570).

Сам Гоголь неоднократно оказывал помощь крестьянам родной Васильевки, посылал матери деньги, чтобы та «накупила хоть по теленку тем мужикам, у кого не было скота», «советовал мужикам каждому обзаводиться скотиной, стараться, работать, чтобы зажиточными быть» [Виноградов. Летопись; т. 6: 87].

Крестьянство в <Статье неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии> изображается без идеализации, но в то же время с искренним состраданием и глубоким уважением к трудовому сословию, к его неподдельному христианскому самоотвержению и великодушию:

«Что касается до продажи хлеба, то <...> крестьянин никогда не имеет излишка <...> и если угнетаемый крайними нуждами, побуждаемый беспечностью или пьянством иногда продает осенью, то весной должен откупать дороже или голодать. <...> Вообразите, что у него нет хлеба, что трое или четверо детей в кори или в какой-нибудь повальной болезни, кричат или просят хлеба, а мать может подать им только разбить для забавы черепок, — а там на печи стонет старуха, умирающая от истощения. — Когда мы вообразим такую картину, то мы не удивляемся ни их беспечности, ни их пьянству, ни их равнодушию отцов к детям. — Напротив мы с уважением будем смотреть на спокойствие, с которым они переносят жребий свой, на усилия, которые делают некоторые, чтобы выйти из тягостного положения своего, на малое число преступлений, которые совершают эти несчастные, на их преданность воле Божией, на твердую веру,

с которой они ожидают за гробом вознаграждения за тяжкие лишения и страдания здешней жизни» (8: 570–572).

Далее в статье затрагивается проблема развития ремесел (8: 575–576) (вопрос, Гоголя всегда интересовавший⁸⁴), а в заключении рассматривается вопрос о лакействе — возникающем в крестьянстве (как сословию социально почти незащищенном и оберегаемым лишь внутренними духовно-нравственными началами):

«Учат также помещичьи <х> крестьян ремеслам, удовлетворяющим роскоши. Для того отдают обыкновенно в Петербург или в другие большие города... <...>. Это делают отчасти для того, <...> чтобы, *соединивши портное мастерство с должностью лакея* или другим занятием в доме, менее иметь вокруг себя *праздных людей, обременяющих помещика издержками*» (8: 576–577; курсив мой. — И. В.).

Судя по всему, именно отсюда вырастает в «Лакейской» диалог между двумя типами слуг — праздного петербургского и трудолюбивого московского (того, которого столичные его приятели дразнят «московской вороной»; 3/4: 418)⁸⁵. Как и в статье, лакей из Москвы «соединяет» в себе одновременно «портное мастерство с должностью лакея» (8: 577). Сам о себе московский слуга «Лакейской» говорит: «Конечно, я и лакей, да и женский портной...» (3/4: 418). Лакей-портной, по его собственному признанию, не пользуется содержанием барыни, но сам «копейку добывает» (3/4: 418). Конечно, он не принадлежит к тем «праздным людям», которые, согласно приведенным строкам анонимной статьи, прислуживая хозяину, «обременяют» его «издержками» (8: 577). К последним в полной мере принадлежит «оппонент» московского лакея-портного, лакей петербургский, в «копейке» не нуждающийся, так как уверен в будущей барской «пенсии» (3/4: 419), то есть новом «обременении» помещика.

Далее в статье говорится о пьянстве выучившихся в Петербурге (и в «других больших городах»; 8: 576) мастеровых из крепостного сословия. Сначала приводится положительный

⁸⁴ См. выше, раздел 3.4.

⁸⁵ См. выше, раздел 7-й.

пример (именно этот пример был положен Гоголем в основу образа расторопного лакея-портного московской барыни):

«Если от таких людей не требуется другой работы, кроме их мастерства или легкой прислуги, то они находят заработок на стороне, имеют порядочное состояние и хотя тяготятся неволею, но бывают еще порядочными людьми на многие надобности помещика» (8: 577).

Однако, — продолжает далее неизвестный автор, — если хозяева «употребляют их на грубые работы того же мастерства или даже для земледелия <...> то приводят их в уныние:

«...сапожник, учившийся в Петербурге у Пеля, шьет чоботы для сапожника, портной, бывший подмастерием у Руча в Петербурге, шьет кобиняки и проч. — Будучи употребляемы на такую работу, мастеровые не имеют средств ничего заработать, тяготятся, и кроме того <...> скучают за удовольствиями, которые всякий порядочный мастеровой находит <...> в Петербурге, за волею, которую испытал, и *делаются большею частию пьяницами*» (8: 577; курсив мой. — И. В.).

«Руч», упоминаемый в качестве одного из петербургских наставников крепостных ремесленников, — это известный во времена Гоголя придворный портной Иоанн Конрад Руч (Рутч, Rutsch, 1793–1872). О мастерстве этого портного — законодателя моды — неоднократно говорят герои гоголевских «Записок сумасшедшего» (3/4: 162) и «Ревизора»⁸⁶. (Кроме того, о портном Руче, который «низких сортов сукон не держит», Гоголь дважды упоминает в письмах к приятелю А. С. Данилевскому 1832 г. — 10: 181, 184.)

Другой наставник крепостных в производстве предметов роскоши, упоминаемый в анонимной статье, — это еще один придворный немецкий ремесленник, сапожник Фридрих Вильгельм Пель (Pohl, 1791–1872). По всей вероятности, именно этого немца-ремесленника подразумевает Гоголь, когда в седьмой главе «Мертвых душ» рассказывает историю пьяницы-мастерового Максима Телятникова, из крепостных Собакевича:

⁸⁶ См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003. Т. 4 / тексты и коммент. подгот. И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. С. 153, 194, 235, 239, 236.

«Максим Телятников, сапожник. <...> ...знаю тебя, голубчик; <...> учился ты у немца, который кормил вас всех вместе, бил ремнем по спине за неаккуратность и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник... <...>. А как кончилось твое ученье <...> ты пошел попивать да валяться по улицам, приговаривая: "Нет, плохо на свете! Нет житья русскому человеку, всё немцы мешают"» (5: 132).

(В этом образе нашла отражение и неудача с заведением матерью Гоголя в родной Васильевке в 1832–1834 гг. доходной кожевенной и сапожной фабрики. Организатор дела надежд не оправдал, деньги, находившиеся в обороте, пропил — после чего имение Гоголей было заложено в казну на 26 лет [Виноградов. Летопись; т. 2: 185–188].)

Таким образом, в содержании статьи о положении крепостных крестьян в Малороссии угадываются одновременно и фигура расторопного слуги-портного в «Лакейской», и история крепостного сапожника Максима Телятникова в «Мертвых душах». К ним примыкает и крепостной лакей Осип в «Ревизоре», и образ еще одного *портного*, бывшего крепостного, — Петровича в «Шинели»: получив вольную, тот, как и выучившиеся в Петербурге малороссийские ремесленники, «стал попивать довольно сильно по всяким праздникам» (3/4: 123) (очевидно, что в судьбе портного Петровича в повести очерчена вероятная судьба портного, выведенного в «Лакейской»).

Перед Гоголем, ставившим перед собой задачу создания более достойного и более праведного общественного устройства, с неизбежностью вставала проблема избавлении членов социального организма от самоистребляющего, губительного для целого общества превозношения одного над другим. Наряду с призывом к лакеям «не делаться рабами людей» (1 Кор. 7: 23)⁸⁷, органичным гоголевским представлениям было и «встречное» поучение — адресованное «господам». Увещание сделать рабов свободными (без агрессивного политического искажения этого призыва, а, напротив, с предупреждением — «...не содея ли <раб> что зло, и бегаёт от руку господей своих...»⁸⁸) — один из традиционных для житийной литературы:

⁸⁷ См. выше, раздел 6-й.

⁸⁸ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 1. Л. 4.

«...рабы же и рабыни свободы...»⁸⁹; «...рабы и рабыни свободою дарова»⁹⁰; «...свободи вся рабы и рабыни»⁹¹; «...и вся рабы свободы...»⁹²; «...нача же отпустить излишния рабы и рабыни, свободу им дарующи...»⁹³; «...рабы же и рабыни свободою дарова...»⁹⁴; «...продаде дом свой и вся имения, и требующим раздаде, и рабы свободы, также в пустыни келлию обрет безмолвствоваше»⁹⁵.

(См. также: «...рабы же и рабыни свободою даровавшее...»⁹⁶; «...рабы и рабыни свободившая...»⁹⁷; «...отпускахуса раби на свободу...»⁹⁸; «...свобожду рабы и рабыни...»⁹⁹.)

В то же время в житиях святых, дающих вольную своим рабам, подчеркивается, что социальная свобода должна сочетаться с духовным возрастанием человека — его освобождением от *рабства греху*:

«Призва же вся отроки своя и отроковицы, и свободи их, давши комуждо сребра и злата довол<ь>но. Рече же к ним: аз, чада, свобождаю вас от временные работы, вы же потщитесь свободити себе от работы суетнаго мира, исполненнаго грехов...»¹⁰⁰.

В полном соответствии с этими предупреждениями Гоголь во втором томе «Мертвых душ» изобразил разговор Костанжогло с крестьянским посланником от целого села, ищущего спасения во власти помещика от мирских соблазнов и обольщений:

«...что уж откупаться? Возьмите нас. Уж у вас всякому уму выучишься. <...> ...теперь беда та, что себя никак не убережешь.

⁸⁹ Там же. Т. 4. Л. 402 об.

⁹⁰ Там же. Л. 421 об.

⁹¹ Там же. Т. 1. Л. 111 об.

⁹² Там же. Т. 2. Л. 30.

⁹³ Там же. Л. 271.

⁹⁴ Там же. Т. 1. Л. 362 об.

⁹⁵ Там же. Т. 2. Л. 436 об.

⁹⁶ Там же. Т. 4. Л. 356.

⁹⁷ Там же. Т. 3. Л. 9 об.

⁹⁸ Там же. Т. 1. Л. 1 об.

⁹⁹ Там же. Т. 2. Л. 136 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 198.

Целовальники такие завели теперь настойки <...>. Не успеешь опомниться, как все спустишь. Много соблазну. Лукавый <...> миром ворочает...» (5: 420).

На этот же счет и реплика Хлобуева во втором томе — о своих пристрастившихся к пьянству крепостных:

«Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толка. Вижу, что прежде нужно привести их в такое состояние, чтобы умели жить» (5: 443)¹⁰¹.

Отношение к народу составляло для Гоголя вопрос важнейший и максимально принципиальный — как христианин на деле «слышит» Бога, то есть как исполняет Его заповеди:

«Творити праведная и истинствовати угодна Богу паче, нежели жертв кровь» (Притч. 21: 3);

«Не такого бо поста Аз избрах, глаголет Господь, но разрешай всяк союз неправды, разрушай обложения насильных писаний, отпусти сокрушенные во свободу...» (Ис. 58: 6).

Одновременно призыв к исполнению заповедей приобретал у Гоголя характер пророческого обличения лицемерных представителей общества, провозглашающих себя, на словах, верными членами Церкви. Это духовное противостояние составляло основу религиозно-политических взглядов Гоголя. Услужливому «лакейству» современного мира, стремящемуся к мамоне и комфорту, — всеобщему потворству порокам, — и неизбежно порождающему при этом социальную несправедливость, — Гоголь противопоставлял христианское исповедничество противоположного, самоотверженного образа жизни — христианского служения Богу и людям. В этом Гоголь вновь следовал с детства знакомым¹⁰² житиям святых:

«Суд же немилостив ждет тех, иже, жизнь сию в сластех и избобилии провождающе, часто прогневляют Бога. <...> Вемы Лазаря, за временное скорбных страдание несена ангелы на лоно Авраамле, богатаго же, в сластех поживша, во адские муки ввержена... <...>. Слышим и блаженства Евангельские, на небесех уготовленная,

¹⁰¹ Подробнее об отношении Гоголя к крепостному праву см.: [Виноградов, 2024: 159–162].

¹⁰² [Виноградов. Летопись; т. 1: 333; 6: 166].

кому суть обещана, не богатым в веселии мира сего и всяком благополучии живущим, но нищим, плачущим, алчущим, жаждущим, гонение и поношение Христа ради терпящим, и, да вкратце реку: тесный (и прискорбный) путь, вводяй в живот, пространная же врата и широкий путь вводяй в пагубу (Матф. 7, стих 14); ведаем убо известно, яко аще в сем веце поживем пространно в сладостех суетных, то всячески в будущий век примет нас вечная скорбь и горесть... <...> ...кая бо нам будет польза, аще маловременную жизнь иждивше в суете, вечных влаг лишимся?»¹⁰³.

По словам О. Ф. Миллера, драматические отрывки Гоголя по появлению их в печати произвели на тогдашних «литераторов и публику <...> такое впечатление, что в них — "ничего нет"» [Миллер: 663]. Такое восприятие гоголевских сочинений является еще одним из многочисленных недоразумений, сопровождавших заинтересованное, далеко небезувлекательное чтение светской публикой его безупречных с художественной стороны произведений¹⁰⁴. Гоголь, огорченный непониманием современниками его сочинений, устами героя «Театрального разъезда...» замечал:

«Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества?» (3/4: 492).

Прошедшая почти незамеченной среди читателей и критиков, гоголевская «Лакейская» вобрала в себя главные обличительные мотивы писателя. На примере лакейской Гоголь анализирует разноликий, всепроникающий характер «лакейства» в современном мире; прослеживает распространение в обществе этого феномена — все большее возрастание «человекоугоднических» тенденций, потворствующих низменным страстям человека. Критика художника-христианина, анализирующего мир лакейской, носит характер религиозно-нравственный и пророческий. Главный вывод гоголевского художественного анализа заключается в том, что только в Церкви, в служении Богу («Только так служа, можно угодить всем: Государю, и народу, и земле своей»; 6: 244), человек

¹⁰³ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. Т. 3. Л. 78 об. — 79.

¹⁰⁴ См. раздел 1-й наст. статьи.

обретает и сохраняет подлинное человеческое достоинство, тогда как общество без Бога превращает его в лакея.

Список литературы

1. Аристов Н. Я. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // <Аристов Н. Я.> Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки. Две статьи проф. Н. Я. Аристова. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1887. С. 67–148. (Сер.: Собрание статей Н. Я. Аристова, профессора Нежинского историко-филологического института.)
2. Берг Э. П., фон. Русская комедия до появления А. Н. Островского. Варшава: Тип. Варшав. учеб. окр., 1912. 399 с.
3. Веницкий И. Ю., Виноградская Н. Л., Врубель В. А. и др. Комментарий // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2023. Т. 5. С. 477–1100.
4. Виноградов И. А. «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 214–239 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2643> (10.05.2025). EDN: RUYKXP
5. Виноградов И. А. Первый биограф Гоголя // Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81. EDN: QQQWVN
6. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 385–656.
7. Виноградов И. А. Гоголь — историк и наблюдатель быта. (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. X Гоголевские чтения: мат-лы докладов Междунар. науч. конф. Юбилейный выпуск. М.: Фестпартнер, 2010. С. 120–127. EDN: RODKYB
8. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.
9. Виноградов И. А. Итальянское эссе Н. В. Гоголя // Русская литература в российско-итальянском диалоге XXI в.: критика текста, поэтика, переводы / отв. ред. М. И. Щербакова, Дж. Гини. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 76–96. EDN: YADDRS (a)
10. Виноградов И. А. Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н. В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 237–282 [Электронный ресурс]. URL: https://litfact.ru/images/2020-15/LF-2020-1-15_237-282_Vinogradov.pdf (10.05.2025). DOI: 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282. EDN: ABFRSW (b)
11. Виноградов И. А. Воспитание и образование в творческом наследии Н. В. Гоголя // Идеи отечественной педагогики, или Как воспитать

- «совершенного человека». Году педагога и наставника посвящается / Департамент образования и науки г. Москвы; «Московский городской дом учителя»; отв. ред. Н. Г. Минько, сост. Л. А. Черниченко. М.; Череповец: Череповецкая Полиграфическая Компания, 2023. С. 37–47. EDN: ORDBFO
12. Виноградов И. А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, Река времен, 2024. Т. 1: А–Ж. 1024 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0749-6. EDN: ZHMYMG
 13. Виноградов И. А. «Комедии» Гоголя как литературный цикл // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (в печати) (a)
 14. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и первый российский учебник по педагогике: неатрибутированная рецензия // Литературный факт. 2025. № 3 (37) (в печати) (b)
 15. Виноградов И. А. От «Коляски» к «Мертвым душам»: трансформация двух «поэм» Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 2. С. 51–117 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1748514128.pdf (10.05.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15043. EDN: PNUJMQ (c)
 16. Виноградов И. А. Христианский град Оксиринх. К истории «душевного города» Н. В. Гоголя // Два века русской классики. 2025. Т. 7. № 1. С. 44–161 [Электронный ресурс]. URL: https://rusklassika.ru/images/2025-7-1/3_Vinogradov.pdf (10.05.2025). DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-44-161. EDN: WMXPOM (d)
 17. Гиппиус В. В. Н. В. Гоголь // Классики русской драмы / науч.-попул. очерки С. Д. Балухатого, А. М. Брянского, А. Я. Гатенян и др.; общая ред. В. А. Десницкого. Л.; М.: Искусство, 1940. С. 129–158.
 18. Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки. Очерк. Л.: Гос. музыкальное изд-во, 1959. 783 с.
 19. Дурылин С. Н. От «Владимира третьей степени» к «Ревизору». (Из истории драматургии Н. В. Гоголя) // Ежегодник Института истории искусств, 1953: Театр. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 164–239.
 20. Иртенина Н. В. Гоголь-Яновские: дополнительные материалы к родословию Н. В. Гоголя // Вестник Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2024. № 4. С. 21–38 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_75104267_17017190.pdf (10.05.2025). DOI: 10.69540/2949-3846.2024.62.49.002. EDN: GMLOWE (a)
 21. Иртенина Н. В. Новые лица в родословии Н. В. Гоголя: Косяровские, Шостаки, Щербaki: генеалогическое исследование // Историческое обозрение: ежегодный альманах / Историко-просветительское общество «Радетель». М.: Радетель, 2024. Вып. 25. С. 33–48. EDN: TFFVJOU (b)
 22. Иртенина Н. В. Казацко-старшинские фамилии Шостак и Кирияк (Кирияковы) в родословии Н. В. Гоголя: новые материалы // Вестник

- Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2025. № 1. С. 15–33 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_80456161_19520699.pdf (10.05.2025). DOI: 10.69540/2949-3846.2025.25.96.002. EDN: CAUPMG
23. <Котляревский Н. А.> Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1903. 439 с.
24. Миллер О. Ф. Область отрожденной личности. (По поводу 50-летия «Ревизора») // Исторический Вестник. 1886. Т. 24. № 6. С. 656–668.
25. Неизданный Гоголь / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.
26. Переверзев В. Ф. Творчество Гоголя. М.: Современные проблемы, 1914. 360 с. (Сер.: Корифеи русской художественной литературы XIX века.)
27. Серебряков Е. А. Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература: сб. ст. М.: Наука, 1988. С. 225–274.
28. Слонимский А. Л. Примечания // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 4. С. 431–461.
29. Чудаков Г. И. Отношение творчества Н. В. Гоголя к западно-европейским литературам // Университетские Известия. 1908. № 8. С. 101–126.
30. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1893. Т. 2. 405 с.
31. <Шенрок В. И.> Описание рукописей // <Гоголь Н. В.> Соч. Н. В. Гоголя: в 7 т. / текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. 10-е изд. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896. Т. 7. С. 827–947.
32. Setschkareff V. N. V. Gogol. Leben und Schaffen. Berlin: Harrassowitz, 1953. 192 s.

References

1. Aristov N. Ya. Foreign Influence in Russia, Depicted by Gogol in His Works. In: *Aristov N. Ya. Sochineniya N. V. Gogolya so storony otechestvennoy nauki. Dve stat'i professora N. Ya. Aristova* [Aristov N. Ya. *The Works of N. V. Gogol from the Side of Domestic Science. Two Articles by Professor N. Ya. Aristov*]. St. Petersburg, N. G. Martynov Publ., 1887, pp. 67–148. (Ser.: Collection of Articles by N. Ya. Aristov, Professor of the Nezhin Historical and Philological Institute.) (In Russ.)
2. Berg E. P., fon. *Russkaya komediya do poyavleniya A. N. Ostrovskogo* [Russian Comedy Before the Appearance of A. N. Ostrovsky]. Warsaw, tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 1912. 399 p. (In Russ.)
3. Vinitskiy I. Yu., Vinogradskaya N. L., Vrubel' V. A., Grekov V. N., Gurevich P. Yu., Dmitrieva E. E., Zorin A. L., Mann Yu. V., Paderina E. G., Pecherskaya T. I. Commentary. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [Gogol' N. V. *The Complete Works and Letters: in 23 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2023, vol. 5, pp. 477–1100. (In Russ.)

4. Vinogradov I. A. "I Am Your Brother". About the Short Novel of N. V. Gogol "The Overcoat". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 214–239. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2643> (accessed on May 10, 2025). EDN: RUYKXP (In Russ.)
5. Vinogradov I. A. Gogol's First Biographer. In: Kulish P. A. *Zapiski o zhizni Nikolaya Vasil'evicha Gogolya, sostavlenkiye iz vospominaniy ego družey i znakovykh i iz ego sobstvennykh pisem* [Kulish P. A. Notes on the Life of Nikolai Vasilyevich Gogol, Compiled from the Recollections of His Friends and Acquaintances and from His Own Letters]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003, pp. 3–81. EDN: QQQWVN (In Russ.)
6. Vinogradov I. A. Commentary. In: *Gogol' N. V. Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskii kommentariy* [Gogol N. V. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 385–656. (In Russ.)
7. Vinogradov I. A. Gogol — the Historian and the Observer of a Life. (To History and "Consumer Society" Psychology). In: *N. V. Gogol' i ego tvorcheskoe nasledie. X Gogolevskie chteniya: materialy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Yubileynyy vypusk* [N. V. Gogol and His Creative Heritage. The 10th Gogol Readings: Materials of Reports of the International Scientific Conference. Anniversary Issue]. Moscow, Festpartner Publ., 2010, pp. 120–127. EDN: RODKYB (In Russ.)
8. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnoy letopis'yu (1405–1808): v 7 tomakh* [Chronicle of Life and Works of N. V. Gogol (1809–1852). With a Genealogical Chronicle (1405–1808): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. (In Russ.)
9. Vinogradov I. A. Italian Essay by N. V. Gogol. In: *Russkaya literatura v rossiysko-ital'yanskom dialoge XXI v.: kritika teksta, poetika, perevody* [Russian Literature in the Russian-Italian Dialogue of the 21st Century: Text Criticism, Poetics, Translations]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 76–96. EDN: YADDRS (In Russ.) (a)
10. Vinogradov I. A. The Mayor's Career in "The Government Inspector". On Nikolai Gogol's Political Views In: *Literaturnyy fakt* [Literary Fact], 2020, no. 1 (15), pp. 237–282. Available at: https://litfact.ru/images/2020-15/LF-2020-1-15_237-282_Vinogradov.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282. EDN: ABFRSW (In Russ.) (b)
11. Vinogradov I. A. Upbringing and Education in the Creative Heritage of N. V. Gogol. In: *Idei otechestvennoy pedagogiki, ili Kak vospitat' "sovershen-nogo cheloveka". Godu pedagoga i nastavnika posvyashchaetsya* [Ideas of Russian Pedagogy, or How to Raise a "Perfect Person". Dedicated to the Year

- of the Teacher and Mentor]. Moscow, Cherepovets, Cherepovets Printing Company Publ., 2023, pp. 37–47. EDN: ORDBFO (In Russ.)
12. Vinogradov I. A. *Gogolevskaya entsiklopediya. Proizvedeniya, nabroski, podgotovitel'nye materialy: v 7 tomakh* [Gogol Encyclopedia. Works, Sketches, Preparatory Materials: in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Reka vremen Publ., 2024, vol. 1. 1024 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0749-6. EDN: ZHMYMG (In Russ.)
13. Vinogradov I. A. Gogol’s “Comedies” as a Literary Cycle. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2025, no. 3 (In Press) (In Russ.) (a)
14. Vinogradov I. A. N. V. Gogol and the First Russian Textbook on Pedagogy: an Unattributed Review. In: *Literaturnyy fakt* [Literary Fact], 2025, no. 3 (37) (In Press) (In Russ.) (b)
15. Vinogradov I. A. From “The Carriage” to “Dead Souls”: the Transformation of Two “Poems” by N. V. Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23. no. 2, pp. 51–117. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1748514128.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15043. EDN: PNUJMQ (In Russ.) (c)
16. Vinogradov I. A. Christian City Oxyrhynchus. On the History of N. V. Gogol’s “Spiritual City”. In: *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2025, vol. 7, no. 1, pp. 44–161. Available at: https://rusklassika.ru/images/2025-7-1/3_Vinogradov.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-44-161. EDN: WMXPOM (In Russ.) (d)
17. Gippius V. V. N. V. Gogol. In: *Klassiki russkoy dramy* [Classics of Russian Drama]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1940, pp. 129–158. (In Russ.)
18. Gozepud A. *Muzykal'nyy teatr v Rossii. Ot istokov do Glinki. Ocherk* [Musical Theatre in Russia. From the Origins to Glinka. Essay]. Leningrad, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1959. 783 p. (In Russ.)
19. Durylin S. N. From “Vladimir of the Third Degree” to “The Government Inspector”. (From the History of N. V. Gogol’s Drama). In: *Ezhegodnik Instituta istorii iskusstv, 1953: Teatr* [Yearbook of the Institute of Art History, 1953: Theater]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, pp. 164–239. (In Russ.)
20. Irtenina N. V. Gogol-Yanovsky: Additional Materials to the Genealogy of N. V. Gogol. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya imeni K. G. Razumovskogo* (Pervyy kazachiy universitet). *Seriya obshchestvennykh nauk* [Bulletin of K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University). Social Sciences Series], 2024, no. 4, pp. 21–38. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_75104267_17017190.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.69540/2949-3846.2024.62.49.002. EDN: GMLWE. (In Russ.) (a)
21. Irtenina N. V. New Faces in the Genealogy of N. V. Gogol: Kosyarovskys, Shostaki, Shcherbaki: Genealogical Research. In: *Istoricheskoe obozrenie: ezhegodnyy al'manakh* [Historical Review: Annual Almanac]. Moscow, Radetel' Publ., 2024, issue 25, pp. 33–48. EDN: TFFVJOU (In Russ.) (b)

22. Irtenina N. V. Cossack-Senior Surnames Shostak and KiriyaK (KiriyaKov) in the Genealogy of N. V. Gogol: New Materials. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya imeni K. G. Razumovskogo (Pervyy kazachiy universitet). Seriya obshchestvennykh nauk [Bulletin of K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University). Social Sciences Series]*, 2025, no. 1, pp. 15–33. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_80456161_19520699.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.69540/2949-3846.2025.25.96.002. EDN: CAUPMG (In Russ.)
23. Kotlyarevskiy N. A. *Nikolay Vasil'evich Gogol'. 1829–1842. Ocherk iz istorii russkoy povesti i dramy [Nikolai Vasilyevich Gogol. 1829–1842. An Essay from the History of Russian Short Novel and Drama]*. St. Petersburg, tipografiya I. N. Skorokhodova Publ., 1903. 439 p. (In Russ.)
24. Miller O. F. The Realm of Isolated Personality. (On the Occasion of the 50th Anniversary of “The Government Inspector”). In: *Istoricheskiy Vestnik [History Herald]*, 1886, vol. 24, no. 6, pp. 656–668. (In Russ.)
25. *Neizdannyy Gogol' [Unpublished Gogol]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2001. 600 p. (In Russ.)
26. Pereverzev V. F. *Tvorchestvo Gogolya [Gogol's Works]*. Moscow, Sovremennye problemy Publ., 1914. 360 p. (Ser.: Coryphaeus of Russian Literature of the 19th Century.) (In Russ.)
27. Serebryakov E. A. Gogol in China. In: *Gogol' i mirovaya literatura: sbornik statey [Gogol and World Literature: Collection of Articles]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 225–274. (In Russ.)
28. Slonimskiy A. L. Notes. In: *Gogol' N. V. Sobranie sochineniy: v 6 tomakh [Gogol N. V. Collected Works: in 6 Vols]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1959, vol. 4, pp. 431–461. (In Russ.)
29. Chudakov G. I. The Relationship of N. V. Gogol's Works to Western European Literatures. In: *Universitetskie Izvestiya [University News]*, 1908, no. 8, pp. 101–126. (In Russ.)
30. Shenrok V. I. *Materialy dlya biografii Gogolya: v 4 tomakh [Materials for Gogol's Biography: in 4 Vols]*. Moscow, tipografiya A. I. Mamontova and K^o Publ., 1893, vol. 2. 405 p. (In Russ.)
31. Shenrok V. I. Description of the Manuscripts. In: *Gogol' N. V. Sochineniya N. V. Gogolya: v 7 tomakh [Gogol N. V. Works of N. V. Gogol: in 7 Vols]*. 10th edition. St. Petersburg, A. F. Marks Publ., 1896, vol. 7, pp. 827–947. (In Russ.)
32. Setschkareff V. N. V. *Gogol. Leben und Schaffen [Gogol. Life and Work]*. Berlin, Harrassowitz Publ., 1953. 192 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Игорь Алексеевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>; e-mail: iwinigradow@mail.ru.
Igor’ Alekseevich Vinogradov, PhD (Philology), Chief Investigator, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>; e-mail: iwinigradow@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.07.2025

Принята к публикации / Accepted 17.07.2025

Дата публикации / Date of publication 08.09.2025